Сырцов.
Соловецкий
монастырь..

Р 56
147

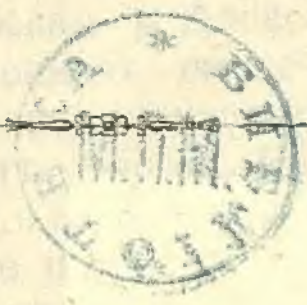
Р 56.
147.

СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ

ПРЕДЪ ВОЗМУЩЕНІЕМЪ МОНАХОВЪ-СТАРООБРЯДЦЕВЪ

ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

И. Я. Сырцова.



КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1879.

Отдѣльный оттискъ изъ „Православнаго Собесѣдника“ 1879 г.

2007080051

Ставропигіальный Соловецкій монастырь, основанный въ первой половинѣ XV вѣка (около 1440 года) преподобными Зосимою, Савватіемъ и Германомъ на необитаемыхъ до тѣхъ поръ и заброшенныхъ природою на значительное пространство въ Бѣлое море Соловецкихъ островахъ, хорошо извѣстенъ всякому русскому человѣку; онъ извѣстенъ какъ монастырь, обладающій завиднымъ богатствомъ, благоустроенный, многолюдный и славный трудолюбіемъ и аскетизмомъ иноковъ. Въ матеріальномъ обезпеченіи онъ долженъ уступить нѣсколько такимъ монастырямъ, какъ лавры: Троицкая, Кіевопечерская и Александроневская; но въ отношеніи нравственномъ онъ считается лучшимъ многихъ другихъ русскихъ монастырей; и потому Русскій народъ называетъ иногда Соловецкія острова „Сѣвернымъ Аѳономъ".

Но тѣмъ не менѣе исторія Соловецкаго монастыря не безъ черныхъ пятенъ. Въ этомъ случаѣ самымъ выдающимся и прискорбнымъ событіемъ можетъ быть названо возмущеніе соловецкихъ монаховъ въ XVII столѣтіи, по поводу введенія въ церковное богослуженіе исправленныхъ при патріархѣ Никонѣ церковныхъ книгъ, когда монахи не только отказались принять ихъ, но и взялись за оружіе, чтобы отстоять старые

церковные порядки, и отстаивали ихъ съ оружіемъ въ рукахъ около десяти лѣтъ, пока не были въ 1676 году побѣждены и казнены почти поголовно. Сгладить это черное пятно со страницъ исторіи Соловецкаго монастыря нѣтъ никакой возможности,— остается только одно: въ назиданіе себѣ и потомству выяснить главныя и второстепенныя причины, породившія возмущеніе, и представить печальную картину событія въ надлежащемъ ея видѣ, что въ настоящее время возможно, благодаря появленію въ печати почти всѣхъ документовъ, относящихся къ событію (1).

Никто, конечно, не будетъ спорить о томъ, что основныя причины возмущенія скрываются въ самой жизни монаховъ, въ ея постановкѣ и характерѣ. Будь поставлена эта жизнь правильно, на началахъ духовнаго просвѣщенія, высокой нравственности и истинной религіозности, тогда не было бы удобной почвы для подобнаго рода явленій; тогда монахи и не подумали бы не довѣрять своимъ законнымъ, отъ Бога поставленнымъ, предержащимъ властямъ, а тѣмъ болѣе возставать противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Грубое невѣжество, сопровождаемое гордымъ самомнѣніемъ, — вотъ червь, который давно началъ подтачивать нравственный строй жизни соловецкихъ монаховъ и къ началу XVII вѣка подточилъ настолько, что при первомъ удобномъ случаѣ этотъ строй необходимо долженъ былъ разрушиться и породить такія явленія, каковы недовѣріе къ духовному и гражданскому правительству и кровопролитное противодѣйствіе ему. Такимъ образомъ возмущеніе соловецкихъ монаховъ по поводу введенія въ употребленіе новыхъ церковныхъ книгъ, по нашему мнѣнію, есть не больше, какъ слѣдствіе указанныхъ основныхъ причинъ,

(1) Авторъ кромѣ того могъ изучать относящіеся сюда документы и на мѣстѣ, такъ какъ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Соловецкомъ монастырѣ.

вызванное причинами второстепенными, случайными. Открыть основныя причины, само собой разумѣется, можно не иначе, какъ заглянувъ въ предшествующую возмущенію исторію жизни монаховъ, по крайней мѣрѣ за полстолѣтіе до возмущенія. Въ этихъ именно видахъ мы предлагаемъ здѣсь характеристику внѣшней и внутренней жизни соловецкихъ монаховъ первой половины XVII столѣтія.

I.

Внѣшняя сторона жизни монаховъ.

Внѣшнее положеніе Соловецкой общины въ первой половинѣ XVII вѣка было, можно сказать, таково, что сами монахи не могли ничего желать лучшаго. Русскій народъ, отъ царя до послѣдняго земледѣльца почти благоговѣлъ предъ соловецкими подвижниками и обогащалъ ихъ своими „доброхотными даяніями“, не требуя отъ нихъ ничего кромѣ молитвъ. Благодаря народному уваженію и щедрости, монахи обладали огромнымъ богатствомъ, властвовали надъ всѣмъ сѣвернымъ поморьемъ Россіи, вели обширную торговлю, участвовали въ военныхъ дѣлахъ на сѣверѣ. При всемъ томъ они были свободны отъ посторонняго вмѣшательства въ ихъ дѣла, пользовались привиллегіями и имѣли такихъ сильныхъ покровителей, каковы царь и патріархъ. И не даромъ впрочемъ соловецкіе монахи XVII вѣка пользовались отъ набожныхъ современниковъ глубокимъ уваженіемъ. Съ внѣшней стороны они имѣли за собой всѣ тѣ добродѣтели, которыя желалъ видѣть въ монашествующихъ посторонній наблюдатель того времени. Припомнимъ, что XVII вѣкъ былъ еще на Руси временемъ поклоненія монашеству, когда монашество представлялось православно-русскому человѣку идеаломъ жизни, когда очень многіе стремились въ монашество и когда всѣ почти монахи считались святыми людьми, молитвами

которыхъ нужно дорожить. Подъ вліяніемъ этого, конечно узкаго, односторонняго взгляда, русскій человѣкъ XVII вѣка цѣнилъ въ монашествующихъ не тѣ добродѣтели, которыя высоко цѣнятся, напримѣръ, въ наше время,—въ родѣ ученыхъ трудовъ, миссіонерства и т. п. Нѣтъ, онъ цѣнилъ въ нихъ главнымъ образомъ внѣшнія проявленія аскетической жизни,—отрѣшеніе отъ міра, постническое житіе, формальное выполненіе монашескихъ правилъ и т. д. Все это посторонній, благочестивый наблюдатель, незнакомый съ домашнимъ бытомъ соловецкихъ монаховъ могъ видѣть въ Соловецкомъ монастырѣ. Жизнь монаховъ вдали, за моремъ, на пустынныхъ островахъ, отрѣшенныхъ отъ всѣхъ соблазновъ міра, гдѣ обитаютъ только суровые аскеты, которые подобно птицамъ небеснымъ не жнутъ и не сѣютъ, а сыты бываютъ, гдѣ женскому полу позволяется бывать только въ храмѣ при богослуженіи нѣсколько часовъ (1), гдѣ мертвая тишина нарушается только гуломъ тяжеловѣсныхъ, благозвучныхъ колоколовъ, гдѣ смиренные на видъ, молчаливые чернецы, повидимому, все время проводятъ въ поражающихъ своимъ благолѣпіемъ храмахъ, при монотонномъ, продолжительномъ богослуженіи, гдѣ наконецъ находятся мощи преподобныхъ—Зосимы, Савватія, Германа и святителя Филиппа и множество другихъ святынь,—все это приковывало вниманіе русскаго человѣка къ монахамъ, поражало взоръ наблюдателя, дѣйствовало на религіозное чувство. При видѣ такихъ явленій религіозно настроенный русскій пилигриммъ не могъ не приходить въ умиленіе, невольно начиналъ благоговѣть

(1) До нынѣшняго столѣтія существовалъ въ Соловкахъ обычай не позволять женщинамъ-богомолкамъ оставаться на ночлегъ на соловецкихъ островахъ, а бывать только въ храмахъ при богослуженіи; остальное время онѣ должны были проводить въ женской гостинницѣ, устроенной на особомъ небольшомъ островѣ, извѣстномъ до сихъ поръ подъ именемъ «Бабьяго острова».

предъ соловецкими подвижниками, почитая ихъ за людей святыхъ. Возвращаясь на родину, онъ всюду прославлялъ ихъ, разсказывая о невѣроятныхъ подвигахъ монаховъ, о необыкновенно длинномъ и благолѣпномъ богослуженіи, о чудесахъ, совершающихся при мощахъ угодниковъ и т. д. Слава о соловецкихъ монахахъ такимъ образомъ проникала во всѣ концы Россіи, привлекала въ обитель каждогодно тысячи новыхъ поклонниковъ, побуждала Русскій народъ къ принесенію на алтарь Соловецкой обители новыхъ, многочисленныхъ и богатыхъ жертвъ. „Пріѣзжаютъ", говоритъ о посѣтителяхъ Соловецкой обители митрополитъ тобольскій Игнатій, бывшій въ XVII вѣкѣ экклесіархомъ соловецкимъ, „пріѣзжаютъ непрестани по вся лѣта со онаго полу моря въ кораблецѣхъ и на ладіяхъ, многу-множеству, не точію простіи, но и сановницы и бояре, обѣты своя Господеви воздающе и приношенія велія приносяще и многу милостыню подающе" (1). Къ несчастію, это благоговѣйное уваженіе со стороны Русскаго народа къ соловецкимъ монахамъ служило далеко не въ пользу духовной жизни послѣднихъ. Монахи разбогатѣли, увлеклись мірскою суетою, стали въ фальшивое отношеніе къ власти и, что всего важнѣе, сбились съ добраго монашескаго пути. Уваженіе же со стороны Русскаго народа къ соловецкимъ монахамъ главнымъ образомъ выражалось въ тѣхъ жертвахъ, которыя приносилъ народъ на алтарь Соловецкой обители, съ цѣлію заручиться молитвами иноковъ. Жертвы дѣлались въ видѣ „доброхотныхъ даяній" — деньгами и участками земли, съ людьми и промышленностью.

Насколько былъ неисчерпаемъ для соловецкихъ монаховъ XVII вѣка источникъ денежныхъ жертвъ отъ русскихъ богомольцевъ, объ этомъ можно отчасти

---

(1) Ш посланіе Игнатія къ тобольской паствѣ, Казань. 1855 года гл. 41, стр. 145.

судить по нынѣшнему состоянію его. Извѣстно, что Соловецкій монастырь въ настоящее время отъ приходящихъ въ обитель „богомольцевъ“, въ видѣ доброхотныхъ даяній получаетъ каждогодно отъ 30 до 40 т. (1) рублей. Благодаря обилію доходовъ, текущихъ изъ этого источника, Соловецкій монастырь почти не почувствовалъ нанесеннаго ему, отнятіемъ въ 1764 году вотчинъ, удара и не только не пересталъ содержать многочисленную братію, но напротивъ находитъ, сверхъ того, возможнымъ строить даже новые богатые храмы, гостинницы, пароходы и т. д. и откладываетъ еще сотни тысячъ про запасъ (2). Если теперь монастырь получаетъ отъ своихъ почитателей такіе доходы, то необходимо предположить, что онъ получалъ ихъ въ неменьшей мѣрѣ и въ XVII вѣкѣ, потому что въ усердныхъ почитателяхъ недостатка у него никогда не было. Въ этомъ убѣждаютъ и историческіе памятники. Въ соловецкой ризницѣ до сихъ поръ сохранились десятки *синодиковъ* XV, XVI и XVII вв., которые, обыкновенно, въ *родительскіе* дни выносятся на средину соборнаго храма для прочтенія и поражаютъ взоръ своею громадностію; ихъ необычная толщина свидѣтельствуетъ не о чемъ другомъ, какъ о томъ, что православно-русскій народъ искони чтилъ соловецкихъ монаховъ, дорожилъ ихъ молитвами и, слѣдовательно, давалъ имъ значительные вклады, какъ необходимое средство къ тому, чтобы обязать ихъ *вѣчно* молиться за себя и за своихъ присныхъ. Изъ сохранившейся въ Соловецкомъ архивѣ, такъ называемой „вкладной книги“, веденной въ XVI и XVII вв., можно видѣть самыя имена и фамиліи многочисленныхъ вкладчиковъ. Книга эта заключаетъ въ себѣ до 1000 листовъ и вся исписана вкладчиками. Въ

(1) Ист. опис. Солов. монастыря архим. Досиѳея ч. II. стр. 298. Морск. сборн. 1867 г. Сентябрь, стр. 104—105.

(2) Морск. сб. 1867 г. Сентябрь. Статья «Соловецкіе острова».

ней можно видѣть цѣлыя родословныя всѣхъ русскихъ знаменитостей XVI и XVII вѣковъ. Разсматривая ее, невольно убѣждаешься, что и царь московскій, и бояринъ, и дьякъ, и купецъ и земледѣлецъ, всѣ одинаково считали долгомъ и спѣшили занести свой родъ на „вѣчное“ поминовеніе въ соловецкій синодикъ, удѣляя изъ своихъ избытковъ „своимъ богомольцамъ“ извѣстную сумму денегъ. Для болѣе именитыхъ и постоянныхъ вкладчиковъ, каковы цари, бояре и т. д., книга удѣляетъ особые листы, озаглавленные такъ: „царь Иванъ Васильевичъ“, „царь Борисъ Ѳедоровичъ“, „родъ боярина Бориса Ивановича Морозова“, „родъ Милославскихъ“ и т. п. Для остальныхъ отдѣляется по нѣскольку листовъ на каждую извѣстную область, уѣздъ и городъ. Въ какомъ размѣрѣ дѣлались иногда жертвы, это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: царь Иванъ Васильевичъ Грозный въ разное время переслалъ въ Соловецкій монастырь—то на молитву за самого себя, то на поминовеніе убитаго имъ царевича Ивана Ивановича, или—новгородцевъ, или же—нѣкоторыхъ изъ бояръ,—5020 рублей; царь Ѳеодоръ Ивановичъ—по своей родительницѣ и царевнѣ Ѳеодосіи 1500 руб.: Борисъ Годуновъ—по царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ—1665 руб. Изъ бояръ: Борисъ Ивановичъ Морозовъ въ 1657 году прислалъ серебряными ефимками 1000 руб. (вѣсомъ 3 пуд. 24¾ фунт.) и, чрезъ годъ, чистаго серебра 1 пуд. 10 фун. на устроеніе ракъ соловецкимъ чудотворцамъ и т. д. (1). Изъ этихъ только немногихъ примѣровъ можно заключать, что соловецкіе монахи въ XVII в. получали денежныя жертвы отъ доброхотныхъ дателей тысячами.

(1) Вкладная книга хранится въ соловецкомъ архивѣ на видномъ мѣстѣ, но почему-то не внесена въ архивную опись.—Желающій знать о другихъ болѣе или менѣе значительныхъ вкладахъ можетъ видѣть ихъ въ Ист. опис. Сол. монастыря ч II. стр. 215.

Что касается добровольныхъ уступокъ въ пользу соловецкихъ монаховъ участковъ земли и доходовъ съ нихъ, то объ этомъ исторія сохранила болѣе точныя свѣдѣнія. Пріобрѣтенія владѣній у соловецкихъ монаховъ начались очень рано, при жизни еще основателей монастыря — Зосимы и Германа, и, по преимуществу, въ сосѣдствѣ, по западную сторону Бѣлаго моря. Земли уступались новгородскими землевладѣльцами по тѣмъ же религіознымъ побужденіямъ, по которымъ дѣлались и денежные вклады. — Вотъ одинъ образчикъ подобныхъ жертвъ: „се язъ Мароа, Исака Андреевича жена и сынъ мой Ѳедоръ Исаковъ, дали семя въ домъ святаго Спаса и пречистѣй Его Матери и святаго Николы, на Соловки, игумну Іонѣ и старцамъ на морѣ въ Сумѣ рѣкѣ у часовни два лука земли, гдѣ Пароенка да Першица живутъ, и на той землѣ деревни страдомыя, и пашни, и лѣсъ полѣшей, и ловища водныя и лѣшіе озера, тыи два лука.... по сей данѣй моей грамотѣ володѣти игумну и старцамъ во вѣки, а поминати имъ мужа моего Исака, и родителей моихъ, да и дѣтей моихъ, а ставити имъ обѣдъ на Димитріевъ день“ (1). Подобнымъ образомъ уступали земли и другіе новгородцы,—и у монаховъ при первыхъ же настоятеляхъ: Павлѣ, Ѳеодосіѣ, Іонѣ и Зосимѣ (основателѣ) было въ Поморьѣ уже нѣсколько участковъ населенной земли (2). Уступки продолжались и послѣ. Такъ, въ 1556 году „дано въ монастырь по душѣ послѣ Ивана Васильевича Полева въ городецкомъ уѣздѣ въ бѣжецкомъ верху село Пузырево, съ деревнями, а сошныя пашни въ томъ селѣ и въ деревняхъ соха безъ четверти“ (3).

Монахи на первыхъ же порахъ поняли, что береговыя владѣнія для нихъ могутъ служить лучшею

---

(1) Ист. опис. Сол. мон. ч. I. стр. 47.

(2) Тамъ же, стр. 46—56.

(3) Тамъ же, ч. III. стр. 23.

матеріальною поддержкою въ жизни. Но добровольныхъ уступокъ отъ „благодѣтелей“ было не слишкомъ много, и уступались по большей части ничтожные клочки земли. Въ виду этого они не замедлили открыть другой, болѣе вѣрный и выгодный способъ пріобрѣтенія владѣній, именно: стали, при всякомъ удобномъ случаѣ, припрашивать ихъ у московскихъ царей, всегда благоволившихъ къ нимъ. Первые же опыты показали, что цари въ этомъ случаѣ податливы, какъ только можно желать (1). Они охотно уступали уважаемымъ монахамъ *свои* населенныя земли, сначала по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и новгородскіе землевладѣльцы, а затѣмъ уже стали отдавать чисто по политическимъ разсчетамъ, обязывая, напримѣръ, монаховъ за свои уступки строить въ пограничномъ съ Швеціею и Финляндіею поморьѣ военныя крѣпости, держать своихъ стрѣльцовъ и при всякомъ нашествіи на поморье непріятеля, что̀ случалось тогда очень нерѣдко, всѣми способами помогать царскимъ войскамъ въ отраженіи непріятеля. Въ 1550 году, напримѣръ, монахи „били челомъ“ царю Ивану Васильевичу Грозному, что „ставятъ они церковь каменную, а отъ монастыря у нихъ съ острова лѣсъ вышелъ, и у нихъ на церковное строеніе лѣсу нѣтъ, и царь пожаловалъ бы, далъ бы имъ въ домъ всемилостиваго Спаса и чудотворцевъ въ Обонежской пятинѣ, изъ своихъ—царя и великаго князя, изъ четырехъ деревень въ Выгозерскомъ погостѣ двѣ деревни: деревню на Усть-Колежмѣ, да деревню Колежму же, а въ нихъ девять обжъ, да тѣхъ деревень восемь варницъ (соляныхъ); да въ сумской волости въ Сумѣ рѣкѣ островокъ, а на немъ три двора безъ пашни“. И царь уступилъ просимыя деревни и островокъ „за свое здоровье и по своихъ родителѣхъ, въ вѣчный поминокъ“ съ тѣмъ, чтобы игуменъ съ бра-

(1) Ист. Хроникъ Сол. монастыря, ч. III, стр. 1—3.

тіею въ царскіе имяниины „пѣлъ молебенъ соборомъ и обѣдню служилъ о царскомъ здоровіи“, а по покойнымъ царскимъ родителямъ, въ день ихъ памяти „пѣлъ панихиды и на братію кормъ большой (ставилъ) (1). Въ 1592 году игуменъ Іаковъ съ братіею писали царю Ѳеодору Ивановичу, что у нихъ есть въ поморьѣ „царское жалованье“ половина кемской волости, а другая половина этой волости и волость подужемская Соловецкому монастырю не принадлежать, хотя и ближе всѣхъ волостей, за шестьдесятъ только верстъ отъ монастыря; что въ кемской волости по рѣкѣ Кеми они—монахи, на случай нѣмецкаго воинскихъ людей приходу, имѣютъ постоянныя заставы, гдѣ зиму и лѣто живутъ монастырскіе сторожа, потому что нѣмцы по этой рѣкѣ уже два раза (въ 1579 и 1590 г.) приходили въ поморье и раззоряли кемскую и подужемскую волости; а между тѣмъ крестьяне непринадлежащей монастырю половины кемской волости заставъ и крѣпостей по Кеми рѣкѣ ставить не даютъ и въ томъ межъ ними бываетъ смута великая“. Царю не трудно было понять, что монахи намекаютъ этимъ на уступку имъ остальной половины кемской волости. Онъ такъ и понялъ и уступилъ не только кемскую, но и подужемскую, побезерскую и мосозерскую волости, „въ вотчину въ прокъ, съ крестьяны, и дворовыми мѣсты, и съ соляными варницами, и съ звѣриными ловлями, и съ лѣсы, и съ пожнями, и съ морскими тонями, и съ лѣшими озеры, и со всякими угодьи, и съ тамгою, и съ рыбною ловлею, и крестьянъ вѣдати и судити (предоставилъ)“. Монахи должны были за это въ кемской волости „всякія крѣпости подѣлати, и острогъ сдѣлати, и людей ратныхъ изъ монастыря устроити, для нѣмецкихъ людей воинскаго прихода, и заставы учинить крѣпкія, чтобы въ приходъ воинскихъ нѣмецкихъ людей

(1) Ист. опис. Сол. монастыря, част. III, стр. 17—18.

сидѣти было безстрашно“ (1). Долго, больше сотни лѣтъ монахи такимъ образомъ оттягивали къ себѣ казенныя земли съ крестьянами и доходами. Но всему бываетъ конецъ. Насталъ конецъ и царской щедрости по отношенію къ уступкамъ земель. Въ 1614 г. монахи выпросили еще у юнаго царя Михаила Ѳеодоровича волость шую-корельскую подъ тѣмъ предлогомъ, что она находилась „межь монастырскія вотчины, межь Сумскаго острогу и Кеми“ (2). Но въ 1618 году строитель Соловецкаго подворья въ Москвѣ, старецъ Мисаилъ, какъ бы въ оправданіе свое, писалъ уже къ своему настоятелю, игумену Иринарху, что онъ „о пузыревскихъ деревняхъ въ челобитную (царю) не писалъ потому: христолюбцы, которые къ монастырю вѣру держатъ, и они говорятъ: буде государю Богъ не извѣститъ—не пожалуетъ“ (3). Богъ не извѣстилъ объ этомъ не только Михаилу Ѳеодоровичу, но и ни одному изъ послѣдующихъ царей. Однако и безъ этого у монаховъ было въ поморьѣ вотчинъ уже слишкомъ довольно. Въ первой половинѣ XVII в. имъ принадлежалъ почти весь западный берегъ Бѣлаго моря, отъ рѣки Онеги до рѣки Колы, что̀ составляетъ нынѣшніе кемскій, кольскій и частію онежскій уѣзды архангельской губерніи. Именно,—за Соловецкимъ монастыремъ въ это время считались: Сумскій острогъ (нынѣ посадъ), Кемскій городокъ (нынѣ уѣздный городъ) и 22 усолья, равняющіяся нынѣшнимъ волостямъ (4). Крестьянъ за монастыремъ считалось до 5000 душъ, только мужескаго пола (5).

Всѣми вотчинами монахи управляли сами и умѣли извлекать изъ нихъ большія себѣ выгоды. Въ ихъ

(1) Ист. опис. Сол. монаст. часть III. стр. 54—56.

(2) Тамъ же стр. 92.

(3) Письмо въ Соловецк. архивѣ № 14 по арх. описи.

(4) Дополн. къ Акт. ист. т. V, № 67, ст. 360—362.

(5) Ист. опис. Сол. мон. ч. I, стр. 197.

вотчинахъ существовалъ строгій на все порядокъ, введенный игуменомъ Филиппомъ (бывшимъ впослѣдствіи московскимъ митрополитомъ). Въ 1548 году Филиппъ на имя крестьянъ вяремской, шижемской и другихъ волостей издалъ особую „установную“ грамату, которая со всею ясностію, подробностію и предусмотрительностію опредѣляла отношенія монаховъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ монахамъ;—указывала крестьянамъ: „какъ у нихъ быть старцу прикащику, да старцу келарю, да слузѣ монастырскому доводчику и свои поминки съ году на годъ имать“ (1). Эта грамата служила для монаховъ постояннымъ руководствомъ въ вотчинныхъ дѣлахъ. Строгій порядокъ, усердіе, смышленость и расторопность братіи—прикащиковъ произвели то, что въ монастырскихъ вотчинахъ скоро зацвѣла промышленность: соляная, рыбная и слюдная. Въ особенности соляной промыселъ былъ развитъ до огромныхъ размѣровъ. На монастырскихъ варницахъ постоянно находилось до тысячи рабочихъ крестьянскихъ рукъ, охотно предлагающихъ свои услуги потому, что монахи питали и одѣвали тружениковъ, съ ихъ женами и дѣтьми, и сверхъ того давали деньги, не строго требуя заработковъ (2). При посредствѣ этихъ тружениковъ, съ ихъ женами и дѣтьми, на монастырскихъ заводахъ въ XVII вѣкѣ вываривалось соли до 130.000 пудовъ. Въ 1672 году, напримѣръ, было привезено оной въ Вологду 123.829 пудовъ. Продана эта соль по 3 алтына и 4 деньги за пудъ и выручено 12.721 р. 6 алтынъ и 4 деньги (3). Эта сумма, съ ничтожными измѣненіями, служила нормою соляного дохода за каждый годъ. Рыбный

(1) Ист. опис. Сол. монаст. част. III, стр. 178.

(2) Около 1670 г. жило при соляныхъ заводахъ соловаровъ и дроповозовъ 1143 чел., женъ и дѣтей ихъ 1185 человѣкъ. Кабальнаго долгу прежнихъ лѣтъ за крестьянами было 46,857 р. доп. къ Акт. ист. арх. ком. т. V, стр. 361.

(3) Тамъ же.

промыселъ по крайней мѣрѣ былъ выгоденъ для монаховъ тѣмъ, что не нужно было покупать рыбы для стола многочисленной братіи. А что и онъ не былъ въ плохомъ состояніи, такъ это можно видѣть изъ того, что монахи, довольствуясь своей рыбой сами, сверхъ того находили возможнымъ посылать оной до 25 возовъ въ Москву и Новгородъ въ подарки своимъ „благодѣтелямъ": царю, митрополиту, боярамъ, дьякамъ, подъячимъ, всевозможнымъ служилымъ и приказнымъ людямъ, словомъ — всѣмъ, отъ кого чаяли пріобрѣсти себѣ какую нибудь выгоду, даже царскимъ и митрополичьимъ лакеямъ, поварамъ, конюхамъ и т. п. челяди (1). О слюденомъ промыслѣ, существовавшемъ въ керетской волости, сами монахи свидѣтельствуютъ, что онъ, сверхъ отправляемой къ царю ежегодно десятинной слюды—12 и 13 пудовъ, даетъ приказнымъ старцамъ доходъ, достаточный на содержаніе сумскихъ и кемскихъ стрѣльцевъ — 125 человѣкъ (2), а содержаніе обходилось въ 300 р. деньгами и 600 четвертей хлѣба (3). Да если и допустимъ, что ни рыбный, ни слюденый промыслы, ни даже „поминки", собираемые съ крестьянъ старцами прикащиками „съ году на годъ", не приносили монахамъ болѣе или менѣе значительныхъ выгодъ, то и при одномъ соляномъ доходѣ монахи не могли жаловаться на безвыгодность для себя поморскихъ вотчинъ.

Этотъ доходъ въ совокупности „съ доброхотными денежными даяніями" давалъ монахамъ въ XVII вѣкѣ такія средства, что они въ состояніи были давать значительныя суммы въ займы государственной казнѣ. Такъ, ими было дано государству въ царствованія:

---

(1) Грамата царя Алексѣя 1650 г. въ Солов. ризницѣ, напечатанная въ Дополн. къ Акт. истор. т. VII, № 23, стр. 138.

(2) Тамъ же т. V, стр. 362.

(3) Истор. описан. Солов. мон. ч. III, стр. 145.

Ѳеодора Ивановича—942 р., Василья Ивановича Шуйскаго — 5150 р., Михаила Ѳеодоровича 14,952 р. и Алексѣя Михайловича 41,414 р. 89½ к. и 200 червонныхъ золотыхъ (5 фунтовъ вѣсомъ) (1). Между тѣмъ они содержали своими средствами до 1000 человѣкъ монастырской братіи, 125 человѣкъ стрѣльцевъ, и до 2500 рабочихъ при заводахъ съ женами и дѣтьми (2). При всемъ томъ послѣ покоренія въ 1676 году монаховъ-старообрядцевъ, сидѣвшихъ въ запертомъ монастырѣ почти безъ всякихъ доходовъ и безъ подвоза хлѣба въ теченіи семи лѣтъ, у нихъ найдено 29268 р. и 9661 четверть хлѣба (3).

При такомъ богатствѣ соловецкимъ монахамъ можно было жить на свѣтѣ въ довольствѣ! Но богатство доставалось имъ не даромъ. Усиленнымъ стараніемъ пріобрѣтая богатство матеріальное, они такимъ образомъ теряли богатство духовное, хотя можетъ быть и сами не замѣчали того. Вотчины большую часть братіи вытянули изъ стѣнъ обители и поставили лицомъ къ лицу со всѣми соблазнами міра, отъ которыхъ когда-то они бѣжали на Соловки. Этого мало: дѣла по управленію вотчинами требовали, чтобы монахи оставили свои прямыя монашескія обязанности, или, по крайней мѣрѣ, удѣляли бы на нихъ времени какъ можно меньше и занимались бы больше всего счетами и выкладками монастырскихъ доходовъ, надзоромъ за работающими на заводахъ, судомъ надъ крестьянами и т. д. и т. д. Волей неволей монахи подчинялись этимъ неизбѣжнымъ требованіямъ обстоятельствъ и

(1) Истор. опис. Солов. мон. ч. I, стр. 195.

(2) Въ 1649 г. было братіи 350, слугъ 600 челов. Истор. опис. Сол. мон. ч. III. стр. 144. Въ старинномъ сол. лѣтописцѣ, хранящемся въ Соловецкомъ архивѣ есть такая замѣтка: 7160 (1652) года при архимандритѣ Ніи было братіи 377 ч., бѣльцовъ 700, стрѣльцовъ, казаковъ (наемныхъ работниковъ и трудниковъ) трудящихся по усердію къ обители, живущихъ на монастырскомъ пропитаніи 2300 челов.

(3) Истор. опис. Солов. мон. част. I. стр. 152.

откладывали въ сторону упражненія въ монашескихъ подвигахъ. Но и тутъ еще не конецъ нарушенію монашескихъ обѣтовъ—отрѣшенія отъ міра, смиренія и нищеты. У монаховъ на обязанности лежало не одно управленіе вотчинами; имъ нужно было еще сбывать свои произведенія, вести торговлю. Далѣе, ихъ вотчины требовали защиты отъ непріятельскихъ нашествій. И этими дѣлами они также должны были заниматься сами.

Съ пріобрѣтеніемъ вотчинъ и развитіемъ въ нихъ промышленности, Соловецкій монастырь по необходимости долженъ былъ обзавестись своимъ торговымъ флотомъ. Монастырскій флотъ состоялъ изъ 50 лодей и господствовалъ на Бѣломъ морѣ, не имѣя соперниковъ ни въ иностранцахъ, не знавшихъ еще путей въ Архангельскъ, ни въ поморцахъ, которые принадлежали монастырю и были бѣдны (1). По Бѣлому морю и по рѣкамъ Двинѣ и Сухонѣ цѣлое лѣто кружились взадъ и впередъ нагруженныя солью и рыбою соловецкія лодьи, дощаники и т. п. суда съ крестами и соловецкими флагами на мачтахъ. Между тѣмъ въ зимнее время тянулись въ Новгородъ, Москву и обратно цѣлые обозы съ рыбою, хлѣбомъ и различными товарами (2). По всему поморью и въ главныхъ торговыхъ городахъ — Холмогорахъ, Великомъ Устюгѣ, Каргополѣ, Вологдѣ, Тотьмѣ, Ярославлѣ, Новгородѣ и Москвѣ устроены были торговыя пристани и кон-

(1) О существованіи соловецкаго флота мы знаемъ изъ слѣдующихъ фактовъ: въ 1561 г на Бѣломъ морѣ погибло 13 соловецкихъ судовъ. Ист. опис. Сол. мон. ч. I. стр. 76. Въ 1669 г. московскій приказный старецъ Торбѣевъ жаловался царю, что «соловецкіе мятежные черницы удержали у себя мореходныя суда». Доп. къ акт. ист. т. V, № 67. Грамата Парышкину отъ 23 іюля 1669 г. Въ одной граматѣ царя Осодора Ивановича упоминается 50 соловецкихъ лодей. Ист. опис. Солов. мон., ч III, стр. 73.

(2) Обыкновенно отправлялось каждый годъ только «подарочной» рыбы 25 возовъ. Грам. царя Алексѣя Михайловича 1650 года, въ рукописи въ Солов. арх. Ист. опис., ч. III, стр. 202.

торы, носящія названія „усолій и подворій (1). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ постоянно находились соловецкіе агенты — прикащики, келари, строители (2), со всѣмъ усердіемъ и строгостію соблюдавшіе интересы обители. Во всѣхъ городахъ, и въ особенности въ Холмогорахъ и Вологдѣ, происходила постоянная, кипучая дѣятельность монаховъ по дѣламъ соляной торговли. Холмогорское подворье было центромъ, куда свозились изъ поморья всѣ промышленныя произведенія и здѣсь перегружались изъ морскихъ судовъ въ рѣчные дощаники для слѣдованія въ Вологду. Сюда же привозились изъ Вологды и другихъ городовъ хлѣбные запасы и всякіе товары для монастыря и поморья, и здѣсь—или складывались въ амбары, или нагружались въ мореходныя суда и отправлялись къ Соловецкимъ островамъ и въ усолья. Въ Вологдѣ былъ главный складъ монастырской соли, гдѣ она и продавалась. Можно себѣ представить постоянную толкотню монаховъ между мірскими людьми въ большихъ торговыхъ городахъ, ихъ постоянныя сношенія съ барышниками, столкновенія съ „мытниками“ и „ярышками“; ихъ понукиванія кабальныхъ тружениковъ и т. п. житейскія дрязги! Все это тяжелымъ гнётомъ ложилось на нравственную чистоту жизни монаховъ. Соловецкій монастырь съ этой стороны представлялся не пристанищемъ людей, ради вѣчнаго спасенія отрекшихся отъ міра, а городомъ, населеннымъ купцами въ клобукахъ и мантіяхъ. Недостатокъ нравственной чистоты у соловецкихъ монаховъ уже проглядываетъ въ ихъ обширныхъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ. Обладая за стѣнами монастыря обширными владѣніями и, занимаясь про-

---

(1) Ист. опис. ч. II, стр. 108—119. Въ Москвѣ монастырь имѣлъ нѣсколько домовъ и даже гостинные ряды. Дополн. къ Акт. истор. т. V. № 67, стр. 362.

(2) Около 1670 года было въ поморскихъ усольяхъ соловецкой братіи до 150 челов. См. Истор. раскола преосвященнаго Макарія.

мышленностію и торговлею, они, напримѣръ, стараттельно уклонялись отъ подчиненія государственнымъ законамъ о торговлѣ.

До времень царствованія Ивана Васильевича Грознаго соловецкіе монахи совсѣмъ не платили въ казну никакихъ пошлинъ по торговлѣ солью, „ни десятой рыбы съ рыбныхъ промысловъ“ (1). Но Грозному почему-то въ 1555 году вздумалось воспретить имъ, если не самую торговлю, то по крайней мѣрѣ торговлю безпошлинную. А чтобы монахи, предъ которыми онъ слишкомъ благоговѣлъ, не обидѣлись этимъ, онъ въ тоже время уступилъ имъ сумскую волость съ церквами Успенскою и Никольскою, землею въ 77½ обжъ, съ 33 соляными варницами, со всѣми угодіями и оброкомъ (2). Торговля, конечно, не прекратилась, напротивъ развилась съ 10 т. до 130 т. пудовъ. Но, по крайней мѣрѣ, монахи теперь были поставлены въ зависимость отъ законовъ по торговлѣ. Но это было не надолго. При первомъ удобномъ случаѣ, они устроили дѣло такъ, что стали вносить въ казну въ Москвѣ пошлинъ за соляную и рыбную торговлю и оброковъ за всѣхъ своихъ крестьянъ каждогодно 658 рублей 33 алт. 1½ деньги и затѣмъ уже не знали въ городахъ и на заставахъ никакихъ пошлинниковъ (3). Въ одной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича на имя соловецкаго игумена съ братіей говорится: „коли игуменъ и старцы поѣдутъ на монастырское дѣло или слугъ или крестьянъ пошлютъ продати или купити что на монастырь запасу зимѣ на осьмнадцати возѣхъ, а лѣтѣ въ трехъ лодьяхъ и малыхъ судѣхъ,—и по городамъ и по волостемъ наши намѣстницы и волостели, ихъ тіуны, мытчики и таможники, и гостинщики и всякіе пошлинники ни

(1) Ист. опис. Солов. монаст. ч. III. стр. 5—6.
(2) Тамъ же, стр. 13, 14, 15, 16 и 17
(3) Тамъ же, ч. I. стр. 168. ч. III. стр. 134—135.

мыта, ни тамги, ни явки, ни побережнаго, ни вѣсчаго, ни помѣрнаго, ни гостинаго, ни скупнаго съ денегъ, ни дворовато, ни полозоваго, ни иныхъ ни которыхъ пошлинъ не емлютъ, а пропускаютъ ихъ безъ зацѣпки" (¹). Какъ ничтожна была вносимая монахами въ казну сумма 658 р. въ сравненіи съ настоящими торговыми пошлинами, — это можно видѣть изъ слѣдующаго: въ 1648 году царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ брать со всѣхъ торгующихъ — тархановиковъ обычныя пошлины,—и соловецкимъ монахамъ за 130 т. пудовъ соли пришлось уплатить 3900 р. только за одинъ годъ (²). Можно думать, что и 658 р.—эту ничтожную сумму монахи платили неохотно. По крайней мѣрѣ они не терпѣли увеличенія государственныхъ налоговъ, и, чтобы избѣжать ихъ, принимали иногда крайне унизительныя мѣры. Въ 1618 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ вздумалъ „порудить"; такъ называемыя „тарханныя" граматы, долгимъ временемъ во множествѣ надаванныя архіереямъ и монастырямъ. По этому поводу строитель Соловецкаго подворья въ Москвѣ старецъ Моисей писалъ къ соловецкому игумену Пинарху слѣдующее: „а въ то время какъ государевы тарханныя граматы велѣно порудить и язъ государю и боярамъ и дьякамъ билъ челомъ, чтобы отверстали Соловецкій монастырь, потому,—мѣсто не вотчинное... и въ то время челобитія моего не послушали; и послѣ того, немного спустя, билъ я челомъ государынѣ старицѣ Маѳѣ Ивановнѣ, не въ одно время, со слезами, неотступно.... Государыня пожаловала, челобитечку отъ меня приняла и отдала дьяку Алексѣю и велѣла грамоту дать". „А грамота", пишетъ еще о. Моисей, „намъ, государь, вологодская (вѣроятно на безпошлинную торговлю солью въ Вологдѣ) бродницю и чело-

(¹) Истор. опис. Соловец. мон. ч. Ш. стр. 56, 144, 130.
(²) Тамъ же, стр. 144—150.

битіемъ предъ иными грамотами не легка стала: мы за тою государевою грамотою бродили много, недѣль пять и шесть, докучали безпрестани, со слезами неотступно; а вскорѣ, и безъ великія докуки, и безъ государя, или безъ государыни въ нынѣшнее время ничто не дѣлается" (1). Нѣчто подобное случилось и въ 1672 году. Извѣстно, что попытка Михаила Ѳеодоровича уничтожить тарханныя граматы не удалась,— они снова вошли въ силу. Въ 1672 году эту попытку повторилъ царь Алексѣй Михайловичъ. Онъ повелѣлъ для пополненія казны ратнымъ людямъ на жалованье...., жалованныя тарханныя граматы... отставить и впредь тарханомъ никому не быть и со всѣхъ тарханьщиковъ: патріарха, митрополитовъ, съ монастырей и т. д. таможенныя пошлины брать, также какъ берутся они и съ прочихъ торговыхъ людей". Подъ это распоряженіе попалъ, конечно, и Соловецкій монастырь. Но архимандритъ Варѳоломей не могъ вынести этого. Онъ представилъ царю Алексѣю Михайловичу грамату отца его Михаила Ѳеодоровича, которою Соловецкій монастырь не въ „образецъ" прочимъ монастырямъ всегда оставался тарханьщикомъ; при этомъ доложилъ царю, что соловецкіе монахи „строятъ (содержатъ) три города (крѣпости): Соловецкій городъ, Сумскій острогъ и Кемскій городокъ, покупаютъ пушки и пищали и всякіе пушечные наряды, даютъ подъ воеводъ и головъ стрѣлецкихъ подводы и т. д. И царь въ виду всего этого снова повелѣлъ „инымъ монастыремъ не въ образецъ" брать съ соловецкихъ монаховъ пошлинъ и оброковъ по прежнему только 658 р. 33 коп. 1½ деньги въ годъ; сверхъ того не велѣлъ брать десятины съ продаваемыхъ въ Холмогорахъ семги, сала и кожъ (2). Такъ

(1) Списокъ съ письма хранящагося въ Соловецкомъ архивѣ № 7. по арх. описи.

(2) Истор. акт. т. IV. № 228, стр. 496.

были неподатливы соловецкіе монахи-торговцы, когда дѣло шло о торговыхъ и другихъ государственныхъ налогахъ.

Оберегая такимъ образомъ отъ государственныхъ налоговъ самихъ себя, монахи въ тоже время оберегали отъ нихъ и своихъ крестьянъ. Мы уже сказали, что въ суммѣ 658 руб., вносимой монастыремъ въ казну, заключался и оброкъ за монастырскихъ крестьянъ. Затѣмъ они не знали уже никого, кромѣ настоятеля и братіи соловецкой. Но разъ, въ 1672 году, случилось, что царь Алексѣй Михайловичъ, всюду отыскивая средства для веденія войны съ Польшей, вздумалъ было обложить нѣкоторою данью и соловецкихъ крестьянъ. Архангельскимъ начальствомъ были выбраны изъ посадскихъ людей особые окладчики, которые и обложили ихъ 15-ю деньгами. Но архимандритъ Іосифъ поспѣшилъ къ царю Алексѣю Михайловичу съ челобитьемъ о томъ, чтобы монастырскіе крестьяне были избавлены отъ налога, потому что монастырь за нихъ платитъ всякія подати и сверхъ того „за даточныхъ—пѣшихъ и конныхъ даетъ особыя деньги". При этомъ, не стѣсняясь, выставилъ предъ царемъ на видъ и то, что изъ Соловецкаго монастыря недавно взято въ казну 41,000 р. и 300 золотыхъ, и царь уважилъ просьбу Іосифа, не смотря на крайнія нужды государства (1). Монахи отклоняли своихъ крестьянъ даже отъ общественныхъ службъ, когда они не были выгодны монастырю. Такъ въ 1669 году каргопольцы посадскіе люди били челомъ царю о томъ, чтобы царь разрѣшилъ соловецкихъ бобылей Сумскаго острога и Кемскаго городка выбирать въ Кемскій острогъ въ таможенные головы и цѣловальники. Узнавъ объ этомъ, строитель Соловецкаго въ Москвѣ подворья немедленно доложилъ царю, что выборъ въ подобныя общественныя

(1) Дополн. къ Акт. истор. т. V, стр. 348.

должности будетъ стѣсненіемъ правъ монастыря и монастырскихъ крестьянъ и не согласуется съ прежними царскими указами и соборными уложеніями. И просьба каргопольцевъ не была уважена (1). Примѣровъ уклоненія монаховъ со своими крестьянами отъ подчиненія государственнымъ постановленіямъ и общественнымъ порядкамъ можно бы привести еще нѣсколько, но, мы думаемъ, и этихъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, что по временамъ собственные интересы для монаховъ стояли выше интересовъ государственныхъ и общественныхъ.

Не менѣе отвлекала соловецкихъ монаховъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей и забота объ охраненіи своей обители и своихъ вотчинъ. Главнымъ образомъ нужно было опасаться нападенія со стороны сосѣдей иностранцевъ: шведовъ, норвежцевъ и финляндцевъ. Въ виду этой опасности соловецкіе монахи, при помощи царской, позаботились обратить свой монастырь въ военную крѣпость, устроили двѣ небольшія крѣпости въ поморьѣ — сумской и кемской волостяхъ и учредили изъ своихъ крестьянъ постоянный отрядъ стрѣльцевъ, въ 125 человѣкъ.

Въ концѣ XVI столѣтія, именно въ 1571 году въ Бѣломъ морѣ появились неожиданно на своихъ корабляхъ шведы. Соловецкіе монахи перепугались не на шутку и почли за великое чудо, что иностранцы не вздумали сдѣлать нападеніе на монастырь (2). Въ тоже время они поняли, что эти люди, еще мало чѣмъ отличавшіеся тогда отъ морскихъ разбойниковъ, если не теперь, то въ другое время легко могутъ сдѣлать нападеніе на беззащитный монастырь и, особенно, на монастырскія береговыя вотчины, ничѣмъ не

---

(1) Акт. истор. т. IV. № 208, стр. 442.

(2) Въ монастырѣ есть преданіе, что шведы нѣсколько дней покушались подойти къ монастырю и сдѣлать нападеніе, но какая то невидимая сила скрывала отъ нихъ путь сюда.

ограждениля отъ опасныхъ сосѣдей — иностранцевъ. Поэтому было необходимо позаботиться объ ограждении и себя и доходныхъ вотчинъ, и монахи стали съ этихъ поръ изыскивать къ тому всѣ средства. Въ этихъ видахъ о появленіи въ Бѣломъ морѣ шведовъ было немедленно доведено до свѣдѣнія московскаго царя Ивана Васильевича Грознаго. Царь пожаловалъ монаховъ и поспѣшилъ командировать на Соловки своего воеводу Озерова съ 4-мя пушкарями и 10-ю стрѣльцами, снабдивъ ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и зеліемъ (порохомъ). Озерову было поручено, набравъ изъ монастырскихъ крестьянъ въ стрѣльцы 100 человѣкъ, охранять съ ними и монастырь и поморье, пребывая то въ монастырѣ, то въ поморьѣ, смотря по обстоятельствамъ. Между тѣмъ иностранцы нигдѣ не появлялись и Озеровъ, пользуясь мирнымъ временемъ, при содѣйствіи настоятеля и братіи, успѣлъ оградить обитель деревяннымъ острогомъ съ башнями, разставилъ по башнямъ привезенныя пищали, вооружилъ ручницами стрѣльцовъ и распредѣлилъ ихъ по мѣстамъ (1). Такъ положено было начало превращенію Соловецкаго монастыря въ военную крѣпость!

Опасенія и предосторожность монаховъ были не напрасны: нѣмцы (финляндцы) не замедлили появиться въ поморьѣ съ цѣлію грабежа. Въ два нашествія въ 1579 и 1580 годахъ они опустошили почти всю кемскую волость, причемъ были перебиты самъ воевода Озеровъ и его неопытные еще стрѣльцы (2). Поэтому новый царь Ѳеодоръ Ивановичъ предпринялъ болѣе рѣшительныя мѣры къ упроченію безопасности самого монастыря и поморья. Онъ повелѣлъ монахамъ, обладавшимъ уже солиднымъ богатствомъ, самимъ заняться огражденіемъ своей обители каменною крѣпостью, гдѣ могли бы во время нашествія на поморье непріятеля укрываться и поморцы съ ихъ семья-

(1) Ист. опис. Солов. монаст. ч. I. стр. 80.
(2) Тамъ же стр. 81 и 84.

ми. Въ теченіе 10-ти лѣтъ монахи со своими крестьянами неутомимо трудились, устраивая новую крѣпость по плану своего собрата монаха Трифона и, наконецъ, она была создана. Она въ окружности болѣе версты (509 саженъ), неприступна и величественна: необыкновенной величины сѣрые кремнистые камни, собранные на Соловецкомъ островѣ, положенные въ стѣну въ томъ видѣ, какъ ихъ создала природа, и скрывающіе за собой весь монастырь кромѣ церковныхъ главъ, при первомъ взглядѣ на крѣпость въ состояніи подорвать всякую надежду непріятеля взять монастырь. Событіе 1854 года, т. е. двухдневное безуспѣшное бомбандированіе монастыря съ англійскихъ фрегатовъ служитъ лучшимъ доказательствомъ неприступности Соловецкой крѣпости. Въ одно и тоже время, какъ мы уже сказали, монахи, съ разрѣшенія царя, выстроили на свои средства двѣ деревянныя крѣпости въ сумской и кемской волостяхъ „для нѣмецкихъ людей воинскаго прихода". Новыя крѣпости были снабжены и военными людьми и войсковыми снарядами. Постоянная стража на нихъ состояла изъ монастырскихъ стрѣльцовъ, которые впрочемъ набирались изъ приходящихъ бѣдняковъ—казенныхъ крестьянъ. „А сошлися они" (стрѣльцы), въ 1647 г. писалъ игуменъ Илья царю, „покиня пашенныя жеребьи и государево тягло... А къ намъ богомольцамъ пришли бродя межъ дворы по міру, а сказывалися вольными людьми, а не тяглыми, а иные для великія скудости и хлѣбнаго недороду продавъ свои пашенныя жеребьи въ тягло инымъ крестьянамъ и въ Сумскомъ острогѣ ставилися въ стрѣльцы (1). Распредѣлена была стража такъ: при Соловецкой крѣпости находилось до 70 человѣкъ, при Сумской и Кемской по 30 въ каждой. Командовалъ стрѣльцами присылаемый изъ Москвы воевода съ сотниками и десятниками, которые обыкновенно выбирались изъ среды стрѣльцовъ. Но

(1) Дополн. къ Акт. истор. т. III, № 33, стр. 116.

главнымъ начальникомъ отряда всегда считался соловецкій игуменъ, который могъ давать свои приказы московскому воеводѣ, но большей части проживавшему при Сумскомъ острогѣ, и который, притомъ, заботился о содержаніи стрѣльцовъ, выдавая имъ изъ монастырской казны жалованье деньгами и хлѣбомъ. Соловецкій настоятель въ этомъ случаѣ разыгрывалъ роль коменданта Соловецкой крѣпости, на обязанности коего между прочимъ лежало и охраненіе всего сѣвернаго поморья. Военные снаряды: пушки, пищали, порохъ и т. п. нерѣдко присылались въ большомъ количествѣ изъ Москвы; но монахи не скупились на пріобрѣтеніе ихъ и сами. Такимъ образомъ новыя крѣпости приняли характеръ совершенно военный. Соловецкій монастырь сталъ съ этихъ поръ пунктомъ, отъ котораго исходила защита сѣвернаго поморья: лишь только появлялся въ поморьѣ непріятель, соловецкіе стрѣльцы первые встрѣчали его и бились съ нимъ *на смерть*, до прибытія большихъ силъ изъ Москвы. Присылаемые изъ Москвы съ московскими силами царскіе воеводы обыкновенно приготовлялись къ битвѣ или въ Соловецковъ монастырѣ, или въ Сумскомъ острогѣ, присоединяя къ своимъ отрядамъ соловецкихъ стрѣльцовъ, забирая на соловецкихъ крѣпостяхъ нужное оружіе, пользуясь иногда монастырскими хлѣбными запасами и деньгами и т. д. (1). Соловецкимъ стрѣльцамъ случалось иногда однимъ, безъ помощи со стороны Москвы, побѣждать непріятеля и спасать поморье. Такъ въ 1592 году 20 сентября они одержали славную побѣду надъ корельскими воеводами Магнусомъ и Иверстономъ, бывшими въ союзѣ съ „заморскими нѣмцами и опустошавшими поморье до Сумскаго острога; стрѣльцы убили у послѣднихъ „большаго воеводу“ и многихъ людей, а „иныхъ ранили и языки у нихъ поймали“ (2). Между тѣмъ монастырь всегда ста-

(1) Истор. опис. соловецк. мон. ч. 1. стр. 88—92.

(2) Тамъ же ч. III. стр. 57—61.

рался помогать своимъ разореннымъ отъ непріятеля крестьянамъ въ возстановленіи ихъ благосостоянія (1). Такое участіе соловецкихъ монаховъ въ защитѣ сѣвернаго поморья послужило наконецъ къ тому, что въ началѣ XVII вѣка на нихъ какъ въ Россіи, такъ и въ сосѣднихъ государствахъ Швеціи и Норвегіи стали смотрѣть не иначе, какъ на защитниковъ крайняго сѣвера Россіи. Въ опасныя для сѣвера времена московскіе цари возлагали на нихъ большія надежды, спѣшили сообщить имъ о томъ, съ которой стороны предвидится опасность и приглашали къ защитѣ поморья. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, напримѣръ, получивъ свѣдѣнія, что къ Кольскому острогу пришли на четырехъ корабляхъ датчане и начали разорять и брать въ плѣнъ жителей, граматой на имя игумена Иринарха съ братіей, отъ 19 августа 1619 года, повелѣвалъ, чтобы въ монастырѣ жили съ великою осторожностію, дабы нѣмцы, пришедъ къ монастырю, надъ монастыремъ и Сумскимъ острогомъ чего нибудь вреднаго не учинили, а между тѣмъ помогали бы въ дѣлѣ отраженія непріятеля и Кольскому острогу, чтобы и его сохранить и крестьянъ поморскихъ въ разореніе не дать (2). Иностранцы, составивъ понятіе о соловецкомъ настоятелѣ, какъ о главномъ русскомъ воеводѣ на сѣверѣ Россіи, сносились съ нимъ по дѣламъ, иногда касающимся всего Русскаго государства и заключали перемирія. Шведскій, напримѣръ, король Карлъ IX, желая вмѣшаться въ смутныя дѣла Россіи, спрашивалъ соловецкаго игумена Антонія: кого онъ признаетъ московскимъ государемъ и не имѣетъ ли нужды въ поддержкѣ со стороны шведовъ (3)? Преемникъ Антонія игуменъ Иринархъ съ шведскими военачальниками Харе и Христоферомъ, опусто-

---

(1) Истор. опис. Соловецк. мон. ч. I. стр. 107—108.

(2) Тамъ же стр. 103.

(3) Тамъ же стр. 95—106.

навшими сѣверное поморье, заключилъ перемиріе до мирнаго договора между Россіей и Швеціей и такимъ образомъ прекратилъ на время набѣги шведовъ на поморье, почти безпрерывно продолжавшіеся съ 1571 года (1).

Между тѣмъ соловецкіе монахи настолько освоились съ военнымъ дѣломъ, что нашли возможнымъ просить царя Михаила Ѳедоровича не назначать болѣе въ Сумскій острогъ для завѣдыванія и командованія монастырскими и „прибылыми стрѣльцами" особыхъ воеводъ, а предоставить это дѣло соловецкому настоятелю съ братіею. Въ 1637 году послѣдній воевода Тимоѳей Кращенинъ сдалъ соловецкому настоятелю Варооломею всѣ письменныя дѣла, острожные ключи, весь оружейный снарядъ и отправился навсегда въ Москву (2). Теперь соловецкій настоятель сталъ въ буквальномъ смыслѣ „сѣверный воевода".

Вскорѣ затѣмъ обстоятельства сложились такъ, что и братіи должны были войти въ роль сотниковъ, десятниковъ, пушкарей и стрѣльцовъ. Въ 1646 году царь Алексѣй Михайловичъ, по поводу разрыва мирныхъ отношеній съ Швеціей, грамотою отъ 7 марта повелѣвалъ игумену Ильѣ съ братіею жить въ Соловецкомъ монастырѣ „не оплошно, съ великимъ береженіемъ, и про приходъ нѣмецкихъ людей провѣдывать всякими обычаи, чтобы нѣмецкіе люди къ Соловецкому монастырю и къ Сумскому острогу безвѣстно не пришли, и дурна никотораго не учинили, и чтобы въ корабельный ходъ (лѣтомъ) въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Сумскомъ острогѣ ратные и всякіе люди были всѣ на готовѣ, и осаду бъ устроили и со всѣмъ укрѣпились.... и хлѣбными и всякими запасы въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Сумскомъ острогѣ

(1) Истор. опис. Соловецк. мон. ч. 1. стр. 121.

(2) Тамъ же стр. 124.

запаслися передъ прошлыми годы съ большею прибавкою, дабы въ монастырѣ и въ Сумскомъ острогѣ для всякаго времени хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ было слишкомъ" (1). Монахи позаботились исполнить повелѣніе царя въ точности. Крѣпостная стѣна еще раньше была окопана большимъ рвомъ и окружена тыномъ (2). Пушекъ и всевозможныхъ боевыхъ принадлежностей было болѣе чѣмъ достаточно (3). Хлѣба и безъ того было въ запасѣ на нѣсколько лѣтъ, да и пріобрѣсти его не составляло большой трудности, имѣя запасный капиталъ и свои лодьи, постоянно бывающія въ Холмогорахъ. Оставалось только, за малочисленностью стрѣльцовъ, которые притомъ часто бываютъ нужны въ поморьѣ, призвать къ оружію братію. Вслѣдствіе этого въ 1654 году вся братія была призвана къ оружію и стала учиться военному искусству. Вотъ маленькій отрывокъ изъ военнаго росписанія братіи, сдѣланнаго въ 1654 году: „по благословенію отца нашего архимандрита Ильи и по приговору келаря старца Никиты, казначея старца Гурія и соборныхъ старцевъ... въ осадное время отъ приходу нѣмецкихъ людей росписали въ Соловецкомъ монастырѣ по башнямъ и по стѣнѣ братію, и слугъ, и служебниковъ, и пушкарей и затинщиковъ, и стрѣльцовъ и всякихъ чиновъ людей, со всякимъ мелкимъ ружьемъ; а кому въ какомъ чину быть и гдѣ съ какимъ оружіемъ стоять и тому роспись:

„Во *святыхъ* воротахъ до преображенской башни вѣдать келарю старцу Никитѣ. А съ нимъ:

1) Пушкарь старецъ Іона Плотницкой у большой полуторной мѣдной пушки, у китоврася, что у лѣстницы противъ святыхъ воротъ; а съ нимъ на по-

---

(1) Ист. опис. Солов. монаст. ч. III. стр. 143.

(2) Тамъ же, стр. 112.

(3) Пушекъ напримѣръ стояло на стѣнѣ до 90. Дополн. къ Акт. истор. т. V, стр. 373.

воротъ мірскихъ людей 6-ть человѣкъ наймитовъ (слѣд. имена).

2) Пушкарь старецъ Иларіонъ морякъ у мѣдной дробовой пушки, у той же лѣстницы, а съ нимъ на поворотъ мірскихъ людей 6-ть человѣкъ наймитовъ (слѣд. имена).

3) Пушкарь Пахомій Вологжанинъ Плотничной у дробовой желѣзной пушки: съ нимъ 3 человѣка.

4) Пушкарь Яковъ токарь стрѣлецъ у полковой пушечки; съ нимъ два человѣка".

Такова по росписанію была военная роль келаря. Подобныя роли даны были и прочимъ соборнымъ старцамъ. Напримѣръ стратилатовскою башнею завѣдывалъ соборный старецъ Савватій Абрютинъ и ему подъ команду были отданы: пушкари старцы Пахомій и Германъ у пушки Богданъ; старцы: Тимоѳей каменщикъ, Артемій Петровъ, Сидоръ Андреевъ, Лоанасій Севрюковъ, Ѳома Ярославецъ, Наумъ Даниловъ, Иванъ Ефремовъ — у другихъ пушекъ; сверхъ того четыре затинщика и 25 человѣкъ слугъ съ мелкимъ оружіемъ подъ командою старцевъ: чебоннаго казначея Саввина, головщика Сергія и просворяка Акима.

Всей братіи такимъ образомъ было въ 1654 году призвано къ оружію и росписано 425 человѣкъ (3). Братія не только пріобрѣла себѣ навыкъ обращаться и пользоваться оружіемъ, но и до извѣстной степени усвоила духъ военной храбрости и отважности. Въ этомъ настроеніи соловецкая братія оставалась до самаго возмущенія, потому что шведы, угрожавшіе нападеніемъ на монастырь, не переставали дѣлать набѣги на поморье во все царствованіе Алексѣя Михайловича и царь не переставалъ напоминать монахамъ жить въ монастырѣ „не оплошно, со всякимъ береже-

---

(3) Подлинное росписаніе доселѣ хранится въ Соловецкомъ архивѣ, въ связкѣ подъ № 7. Объ немъ говорится и въ Ист. опис. Солов. мон. ч. I, стр. 153.

ніемъ" и быть всегда въ готовности къ отраженію непріятеля (3).

Самостоятельное завѣдываніе соловецкой братіи военною частію въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ принесло имъ въ жизни монашеской развѣ только ту пользу, что они, возмутившись противъ церкви и государя, могли безъ особенныхъ затрудненій направить монастырское оружіе и свое военное искусство противъ царскихъ стрѣльцовъ — этихъ неожиданныхъ своихъ враговъ.

Не можетъ рекомендовать соловецкихъ монаховъ и постоянное ихъ стремленіе быть независимыми въ своихъ мірскихъ дѣлахъ и въ своей жизни ни отъ кого, кромѣ царя и патріарха. Въ этомъ случаѣ предъ ними являлись врагами и мѣстныя гражданскія власти и новгородскій архіепископъ. И съ ними нужно было вести своего рода борьбу. Главнымъ оружіемъ въ этой борьбѣ у нихъ были постоянныя слезныя челобитія къ царю и патріарху на своихъ притѣснителей. Съ челобитіемъ монахи сначала каждый разъ посылали въ Москву или самого игумена или выборныхъ старцевъ; но въ послѣднее время царь и патріархъ были настолько милостивы, что предоставили докладывать себѣ о всѣхъ нуждахъ соловецкой братіи строителю соловецкаго въ Москвѣ подворья. Въ 1633 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, благодарный за присылку изъ монастыря 10 т. рублей, повелѣлъ, чтобы „для челобитія монастырскихъ дѣлъ впредь бы естя изъ Соловецкаго монастыря не посылали, а писали есте и велѣли намъ бити челомъ объ монастырскихъ дѣлахъ, о чемъ доведется, Соловецкаго монастыря строителю, который за монастырскими дѣлы живетъ въ Москвѣ, старцу Аѳиногену, чтобы въ тѣхъ старческихъ посылкахъ монастырю убытка не было (4).

---

(3) Ист. опис. Сол. мон. изд. 1836 г. ч. I стр. 146.

(4) Тамъ же ч. III. стр. 122—125.

Просьбы монаховъ о независимости отъ мѣстныхъ властей начались съ самыхъ раннихъ поръ и своимъ послѣдствіемъ имѣли такъ называемыя „несудимыя“ граматы. Въ первый разъ несудимая грамата соловецкому игумену съ братіей была дана еще отъ новгородской республики. Царь Иванъ Васильевичъ III, уничтожившій республику и присоединившій новгородскую область къ московскому княжеству, подтверждаетъ эту грамоту во всей силѣ (¹). При каждомъ, затѣмъ, вступленіи на московскій престолъ новаго царя монахи обыкновенно клали передъ нимъ свою несудимую грамату съ челобитіемъ: или подтвердить старую, или дать новую, и цари въ этомъ имъ не отказывали. Нерѣдко случалось и такъ, что давались отъ царей особыя несудимыя граматы на неприкосновенность той или другой волости, уступленной монахамъ изъ казны. Всѣ онѣ писались по одному образцу и главнымъ образомъ освобождали соловецкаго настоятеля, братію и слугъ отъ гражданскаго и духовнаго суда (кромѣ разбоя и татьбы), который надъ настоятелемъ и братіей царь бралъ на себя, а надъ слугами и крестьянами былъ предоставленъ настоятелю и братіи, иногда впрочемъ съ гражданскими чиновниками, когда случится судъ, „смѣшанный“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ граматы ограждали монаховъ и отъ постороняго вмѣшательства въ ихъ монастырскія и вотчинныя дѣла, какъ со стороны гражданскихъ чиновниковъ, такъ и со стороны новгородскаго митрополита — непосредственнаго начальника монаховъ. Въ граматахъ, напримѣръ, царя Ивана Васильевича Грознаго, данныхъ въ 1539 (при уступкѣ деревень Шижми и Сухаго Наволока) и 1541 годахъ говорится: „И кто у нихъ (монаховъ) учнутъ жити и людей и крестьянъ намѣстницы наши новгородскіе и волостели выгозерскіе тѣхъ ихъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь разбоя и татьбы

(¹) Ист. опис. Солов. мон. ч. I, стр. 49. 50, 64.

съ поличнымъ. и приставовъ своихъ на нихъ не даютъ, ни высылаютъ къ нимъ ни почто; а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ людей крестьянъ игуменъ съ братіею или кому прикажетъ, а случится судъ смѣстной тѣмъ ихъ монастырскимъ крестьянамъ съ волостными, или съ городскими людьми, и намѣстницы наши поугородскіе и волостели выгозерскіе тѣхъ ихъ людей и крестьянъ судятъ, а игуменъ или ихъ прикащики съ ними же судятъ; а правъ ли виноватъ ли будетъ монастырскій человѣкъ или крестьянинъ, и онъ въ правдѣ или винѣ игумену съ братіею; а кому будетъ чего искати на соловецкомъ игуменѣ съ братіею, или на ихъ прикащикѣхъ, ино ихъ сужу язъ великій князь, или мой боярипъ введенной“ (1). „Архіепископъ поугородскій, говорится еще въ граматахъ, игумена, и старцевъ. и слугъ, и крестьянъ не судитъ ни въ чемъ, ни приставовъ своихъ къ нимъ не всылаетъ ни почто, опричь духовнаго дѣла“ (2). Несудимыя граматы обыкновенно заключались угрозою, въ родѣ слѣдующей: „А чрезъ сію мою жалованную грамоту кто что на нихъ (монаховъ) возметъ и чѣмъ ихъ кто изобидитъ, и тому отъ мене отъ великаго князя быти въ казни и въ продажи; а на сильныхъ людей наметываютъ сроки сами (монахи) по сей моей грамотѣ стати имъ предо мною, предъ великимъ княземъ на срокъ; а кто не станетъ на срокъ, тотъ безъ суда виноватъ“ (3).

Тѣмъ не менѣе монахи не были свободны отъ столкновеній съ гражданскими чинами и новгородскимъ митрополитомъ, имѣя слишкомъ сложныя дѣла внѣ монастырскихъ стѣнъ. Гражданскимъ чинамъ никогда не была пріятна свобода монаховъ въ мірскихъ дѣлахъ, и они пользовались всякимъ удобнымъ случа-

(1) Царскія граматы ч. III. стр. 1—3, 44—52, 95—103, 117—120

(2) Истор. опис. Солов. м. ч. III. стр, 5.

(3) Тамъ же, стр.. 7. 20

емъ, когда можно было чѣмъ нибудь притѣснить ихъ, особенно когда почему либо несудимыя граматы теряли свою силу. Въ 1559 году, напримѣръ, монахи жаловались царю, что „колмогорскіе, турчаевскіе, устюжскіе, тотемскіе, каргопольскіе, вологодскіе и порожскіе таможники и всякіе пошлинники на нихъ Соловецкаго монастыря старцахъ и слугахъ, съ ихъ дву насадовъ, и съ людей, и съ малыхъ судовъ, которые съ Соловковъ съ солью проходятъ и запасы, емлютъ проѣзжія пошлины насильствомъ чрезъ царскія жалованныя грамоты, гдѣ они тое соли не продаютъ“ (1). Случалось сверхъ того, что разные царскіе служилые люди иногда просто врывались въ монастырскія вотчины и дѣлали насилія монахамъ и крестьянамъ. Въ 1675 году сумскій соборный старецъ Игнатій писалъ въ Москву, что „проѣзжающіе чрезъ монастырскіе вотчины въ Кольскій острогъ воеводы, стрѣлецкіе головы и сотники, головы таможенные и цѣловальники, данщики, разсыльные стрѣльцы, словомъ всякіе приказные люди—въ Сумскомъ острогѣ, Кемскомъ городкѣ и въ монастырскихъ усольяхъ ставятся на монастырскихъ и на крестьянскихъ дворахъ, гдѣ кто вздумаетъ, не спрашивая и не слушая ни прикащиковъ монастырскихъ, ни старостъ, ни цѣловальниковъ,—и емлютъ себѣ и лошадямъ кормы большіе, и подводы многіе, и сани, и полсти, и шубы и суды *сильно* и провозятъ въ иные уѣзды и городы, а иные и не отдаютъ крестьянамъ обратно“; между тѣмъ „подорожныхъ не показываютъ, и когда кто спроситъ у нихъ объ этомъ, бьютъ и бранятъ“ (2). Въ подобныхъ случаяхъ конечно монахи имѣли законное право жаловаться на притѣснителей. Но въ другихъ случаяхъ ихъ жалобы переступали законную мѣру и служили ко вреду и стѣсненію людей, для нихъ постороннихъ. Вотъ примѣръ: въ шестидеся-

(1) Ист. опис. Солов. мон. ч. III. стр. 26.

(2) Дополн. къ Акт. ист. т. V, стр. 366. 367.

тыхъ годахъ XVII столѣтія по Двинѣ случился хлѣбный неурожай, продолжавшійся до десяти лѣтъ. Мѣстные жители помирали „голодною смертію“, потому что и подвозу хлѣба ни съ которой стороны почти не было. Наконецъ въ 1671 году, пришли „изъ за моря“ на корабляхъ съ хлѣбомъ иноземцы и начали было продавать его голодающимъ архангельцамъ по 1 р. 50 к. за четверть. Но въ это же время явился изъ Сумы на своихъ лодьяхъ монастырскій крестьянинъ—барышникъ Мишка Михалевъ; онъ поднялъ цѣну и началъ откупать хлѣбъ „въ отвозъ“, большими статьями. Воевода Нестеровъ обратился къ царю съ просьбою, чтобы царь повелѣлъ отобрать у Михалева закупленный хлѣбъ и распродать по уменьшенной цѣнѣ умирающимъ съ голоду архангельцамъ. Но въ тоже время лично предсталъ предъ царемъ строитель Соловецкаго въ Москвѣ подворья старецъ Ириархъ Торбѣевъ и съумѣлъ отклонить удовлетвореніе справедливой просьбы Нестерова. Михалевъ, благодаря этой изворотливости старца Иршарха, скупилъ почти весь хлѣбъ и отправился съ нимъ къ мурманскимъ промысламъ наживать себѣ капиталъ, а архангельцы остались голодать по прежнему (1). Случалось иногда, что монахи просто, помимо жалобъ къ царю, сами лично не допускали гражданскихъ чиновниковъ до законнаго вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, притомъ такихъ чиновниковъ, которые дѣйствовали по особому царскому повелѣнію. Въ 1651 году олонецкій воевода Чеглоковъ, по царскому повелѣнію, посылавшій въ Сумскій острогъ посадскаго человѣка Давидка Власьева, для отысканія въ монастырскихъ вотчинахъ „сошлыхъ“ заопѣжанъ, писалъ къ царю слѣдующее: „Давидко, пріѣхавъ въ Сумскій острогъ, Соловецкаго монастыря приказному старцу Сергію отписку отъ меня отдалъ, и онъ старецъ, взявъ отписку къ твоему государеву указу и къ наказной намя-

(1) Дополн. къ Акт. ист. т. VI, № 35, стр. 180.

ти не пришолъ, а прислалъ въ отказъ монастырскаго казеннаго дьячка, а Сумскаго острогу доводчика Микифора Гаврилова, и тотъ доводчикъ, приведъ къ нему, Давидку, противъ твоего государева указу во всемъ отказалъ; и по наказу и по росписи на сошлыхъ крестьянъ и бобылей старецъ Сергій обыску не далъ, и твоихъ государевыхъ сошлыхъ крестьянъ и бобылей ухоронилъ и не выдалъ.... и изъ Сумскаго острога его, Давидка, выслалъ и во всемъ твоего государева указа не послушалъ, сказавъ, что безъ игуменскаго, и безъ келарскаго и безъ братскаго вѣдома изъ Сумскаго острогу сошлыхъ крестьянъ и бобылей противъ росписи выдать ему нельзя" (1). Между тѣмъ извѣстно было, что въ монастырскихъ вотчинахъ сошлыхъ казенныхъ крестьянъ проживаетъ до 13 семействъ (2). Въ 1654 году отъ царя снова было поручено чиновнику Кобыльскому съ товарищами отправиться для вывода изъ монастырскихъ вотчинъ извѣстныхъ уже сошлыхъ крестьянъ; причемъ Кобыльскому велѣно, для сыска другихъ, побывать не только въ Сумскомъ острогѣ, но и въ Соловецкомъ монастырѣ и во всѣхъ усольяхъ. На этотъ разъ соловецкіе монахи оказались еще упорнѣе въ неповиновеніи царской волѣ: „учинились", докладываетъ царю Кобыльскій, „сильны, сыскивать и узнавать не дали, посланныхъ отъ Кобыльскаго цѣловальника Боженка Глухаго съ другими изъ Сумскаго острога выслали вонъ, и въ усолья не пустили, во всемъ отказали" (3). Такъ относились соловецкіе монахи къ мѣстнымъ гражданскимъ властямъ.

Не многимъ лучше относились они и къ митрополиту новгородскому. Оффиціально Соловецкій монастырь всегда считался въ зависимости отъ новгородскаго митрополита, потому что находился въ предѣ-

(1) Дополн. къ Акт. Истор. т. III. № 82, стр. 289, 290.

(2) Тамъ же, стр. 291.

(3) Тамъ же, стр. 195.

лахъ его епархіи (1). Но права митрополита по отношенію къ монастырю были слишкомъ не широки: онъ могъ относиться къ монастырю начальнически, какъ мы видѣли уже, только „по дѣламъ духовнымъ“ (2). Въ чемъ же заключались эти духовныя дѣла, дававшія митрополиту право относиться къ монахамъ, какъ къ своимъ подчиненнымъ? Прежде всего въ сборѣ съ монастырскихъ вотчинъ церковной десятины, которую соловецкіе монахи и платили всегда неправно (3) и отъ которой иногда были освобождаемы самими митрополитами (4). Затѣмъ новгородскій митрополитъ поставлялъ Соловецкому монастырю настоятелей и посвящалъ въ священный санъ братію (5). Но настоятели нерѣдко назначались и посвящались и помимо его — царемъ и патріархомъ. Таковы настоятели первой половины XVII столѣтія: Рафаилъ и Варооломей (6). Далѣе митрополитъ имѣлъ право вызывать изъ Соловецкаго монастыря на службу въ своей епархіи способную братію и нѣкоторое время пользовался этимъ правомъ. Но оно не нравилось монахамъ, привыкшимъ жить въ своемъ монастырѣ, гдѣ жизнь была со всѣхъ сторонъ матеріально обезпечена, свободна отъ сложныхъ обязанностей и отъ бдительнаго надзора болѣе или менѣе властнаго начальника, въ родѣ митрополита, и они избравъ удобный случай, въ 1643 году обратились къ царю Михаилу Ѳеодоровичу съ слѣдующимъ челобитіемъ на новгородскаго митрополита: „въ нынѣшнемъ во 151 году писалъ къ тебѣ царю и великому князю митрополитъ новгородскій и великолуцкій Аѳоній, а велѣлъ къ нему прислать двухъ старцевъ (соловецкихъ),

(1) Истор. опис. Солов. монаст. ч. I. стр. 48.
(2) Тамъ же ч. III. стр. 5.
(3) Тамъ же, стр. 197.
(4) Тамъ же. стр. 175.
(5) Тамъ же ч. I, стр. 46.
(6) Тамъ же стр. 131, 132.

чернаго попа Досифея, да дьякона Михаила; а прежде сего онъ же митрополитъ писалъ къ тебѣ царю и великому князю о двухъ же старцахъ: о старцѣ Варѳоломеѣ, да крылошанинѣ Селивестрѣ, и тѣ старцы къ нему посланы, и старцу Варѳоломею велѣлъ быть у себя въ казначеяхъ, а старецъ Селивестръ изъ Великаго Новагорода сбѣжалъ безвѣстно и монастырскаго платья и книгъ унесъ съ собою на двадцать рублевъ, да и провозу намъ ставитца изъ Соловецкаго монастыря до Великаго Новагорода рублевъ съ двадцать и больше, и отъ того намъ ставятца убытки великіе (?), а въ Соловецкомъ монастырѣ братіею скудно (?); поэтому царь и великій князь пожаловалъ бы не велѣлъ бы у насъ изъ Соловецкаго монастыря братіи безъ своего указу развозить и о томъ послалъ бы въ Великій Новгородъ митрополиту грамоту". Царь уважилъ просьбу монаховъ (1). Наконецъ митрополитъ новгородскій имѣлъ право контролировать духовную жизнь соловецкихъ монаховъ. Но этимъ правомъ онъ меньше всего пользовался; по крайней мѣрѣ мы не находимъ во всей соловецкой исторіи, до временъ Никона, ни одного факта, который бы свидѣтельствовалъ о томъ, что новгородскіе митрополиты такъ или иначе слѣдили за соловецкою духовною жизнію, имѣли на нее свое нравственное вліяніе. Да это было и въ порядкѣ вещей,—во первыхъ потому, что Соловецкій монастырь былъ отъ нихъ слишкомъ удаленъ, и по своему географическому положенію почти недоступенъ. Вслѣдствіе этого въ теченіи цѣлыхъ столѣтій ни одинъ изъ митрополитовъ не бывалъ въ Соловецкомъ монастырѣ, не наблюдалъ ни лично, ни чрезъ своихъ довѣренныхъ лицъ за жизнію монаховъ, а безъ этого легко можно было обманываться и представлять соловецкую жизнь въ иномъ видѣ, чѣмъ какова она была на самомъ дѣлѣ; во вторыхъ митрополичій контроль и нравственное вліяніе на монаховъ

(1) Ист. опис. Соловец. мон. ч. III. стр. 138. 139.

въ послѣднее время были почти невозможны вслѣдствіе тѣснаго сближенія монаховъ съ царемъ и патріархомъ. Приведенная выше жалоба монаховъ на митрополита Аѳонія достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, насколько слаба была въ это время начальническая власть митрополитовъ надъ соловецкими монахами и какъ ничтожны были ихъ права по отношенію къ нимъ? Изъ всѣхъ новгородскихъ митрополитовъ только Никонъ, лично знакомый съ соловецкою жизнію, заручившись дружбою царя, вступилъ было, по отношенію къ соловецкимъ монахамъ, во всѣ выше перечисленныя права и строго сталъ требовать отъ монаховъ отчета и исправленія въ жизни духовной; но и онъ не могъ успѣть въ этомъ, потому что скоро перемѣнилъ новгородскую каоедру на московскую — патріаршую; онъ успѣлъ только возбудить ропотъ въ избалованныхъ монахахъ и прослылъ личнымъ „врагомъ“ Соловецкой обители.

Совершенно свободные отъ зависимости гражданскимъ властямъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и не охотно подчиняющіеся своему митрополиту въ дѣлахъ духовныхъ, соловецкіе монахи однако были покорны царю и патріарху. Но и эта покорность держалась исключительно только на благоволеніи и милостяхъ къ нимъ со стороны царя и патріарха.

Цари и патріархи соловецкихъ монаховъ всегда имѣли подъ своимъ непосредственнымъ покровительствомъ и отечески заботились объ ихъ благосостояніи и благополучіи. Царское покровительство началось съ великаго князя Ивана Васильевича III, милостиво уступившаго монахамъ Соловецкіе острова и давшаго имъ первую несудимую грамату (1). Съ этихъ поръ оно не только не прекращалось, напротивъ возрастало все болѣе и болѣе. Набожные цари высоко цѣнили въ монахахъ ихъ подвиги духовные и ихъ заслуги отечеству, которые выражались въ участіи

(1) Ист. опис. Соловец. мон. ч. I. стр. 62.

ихъ въ защитѣ сѣвернаго поморья и въ денежныхъ жертвахъ въ государственную казну. Царь Грозный просто благоговѣлъ предъ подвижниками. Въ граматѣ къ соловецкому игумену Варлааму съ братіею онъ писалъ: „смѣя и не смѣя челомъ бью, что если Бога прогнѣвали и васъ своихъ богомольцевъ раздражили и все православіе смутили своими неподобными дѣлами, и за умноженіе моего беззаконія и ради многаго согрѣшенія моего Богу попустившу варваровъ христіанство разворяти. И вы бъ пожаловали показали милость на насъ смиренныхъ и недостойныхъ рабъ своихъ, пожаловали — молили Господа Бога и пречистую Его Матерь. Владычицу нашу и Богородицу и преподобныхъ чудотворцевъ соловецкихъ Зосиму и Савватія и всѣхъ святыхъ, чтобы Господь Богъ и пречистая Богородица праведный свой гнѣвъ отвратили и православное христіанство отъ раззоренія освободили и устроили бы всему православному христіанству и намъ всѣмъ полезная. А мы и съ дѣтьми вамъ со слезами челомъ бьемъ“ (1). Почти ни одна просьба монаховъ къ царю не оставалась безъ удовлетворенія.—Всѣ царскія граматы, составляющія половину III части (до 174 л.) „Историческаго описанія Соловецкаго монастыря“ архимандрита Досиося, суть не что иное, какъ царскіе отвѣты на челобитія монаховъ, выражающіе царское благоволеніе и милость. На правахъ покровителей цари лично наблюдали за цѣлостію монастырскаго богатства, имѣя у себя отводныя описи монастыря (2), сами утверждали братскій выборъ настоятеля, келаря и казначея (3), заботились даже о нравственной чистотѣ братіи, указывая на ихъ пороки и давая наставленія какъ исправиться (4). Представитель соловецкаго брат-

(1) Ист. опис. Солов. мон. ч. III, стр. 33.

(2) Тамъ же, ч. I, стр. 66, ч. III, стр. 127, 128.

(3) Тамъ же, ч. III, стр. 114, 115, 127.

(4) Грам. царей Осод. Ив., Мих. Осод., Ал. Михаил. Тамъ же, часть II, стр. 263—271.

ства въ Москвѣ и постоянный ходатай по монастырскимъ дѣламъ—строитель Соловецкаго подворья пользовался отъ царя честью наравнѣ съ высшими духовными особами. Соловецкіе монахи понимали, что отъ этого выборнаго старца зависятъ всѣ выгоды ихъ, которыя они извлекали изъ близкихъ отношеній къ царю; отъ него зависѣла поддержка этихъ отношеній. Потому сюда назначались старцы, такъ сказать, съ дипломатическимъ тактомъ, самые лучшіе изъ всей братіи и по уму и по нравственнымъ качествамъ. Выбранный настоятелемъ и братіей московскій приказный старецъ утверждался въ семъ званіи самимъ царемъ и съ этихъ поръ становился извѣстнымъ при царскомъ дворѣ, вхожимъ въ царскія палаты, постояннымъ ходатаемъ по дѣламъ своего монастыря. Въ извѣстные праздники и царскіе имянины онъ вмѣстѣ съ прочими властями спѣшилъ ко двору „съ почестью“ отъ монастыря въ видѣ образа чудотворцевъ, подходилъ къ царской рукѣ и получалъ „подачи“. По временамъ принималъ царей у себя (1). Какъ усердно, смѣло, неотступно хлопотали московскіе строители по монастырскимъ дѣламъ, умоляя то царя, то царицу, то ближнихъ бояръ,—этому примѣромъ можетъ служить старецъ вышепомянутый Мисаилъ, отстоявшій въ 1618 году двѣ льготныя грамоты на имя своего монастыря и „бродившій“ изъ-за этого по боярамъ „недѣль шесть, докучая имъ безпрестани, со слезами, неотступно“. Патріархъ Филаретъ Никитичъ 23 января 1626 года писалъ соловецкому игумену Макарію: „и нынѣ строитель старецъ Даніилъ далъ Богъ здоровъ и о вашемъ монастырскомъ дѣлѣ промышляетъ и намъ безпрестанно докучаетъ“ (2).

Имѣя въ Москвѣ близъ царя и патріарха своего постояннаго представителя и усерднаго защитника

(1) Ист. опис. Солов. мон. ч. III, стр. 110—119.

(2) Тамъ же, стр. 207.

монастырскихъ интересовъ, соловецкіе монахи могли жить и дѣйствовать въ монастырѣ и въ своихъ многочисленныхъ береговыхъ усольяхъ ничѣмъ не стѣсняясь и никого не опасаясь. Жалобы со стороны мѣстныхъ властей на монаховъ были въ этомъ случаѣ совершенно безполезны,—и если они доходили до Москвы, то на нихъ изъ снисхожденія и полнаго довѣрія къ личнымъ объясненіямъ и слезнымъ просьбамъ соловецкаго строителя едвали когда либо обращалось вниманіе. Мы уже видѣли, что благодаря личнымъ просьбамъ московскаго строителя предъ царемъ, царицей и боярами, московскій царь не разъ отмѣнялъ въ отношеніи къ Соловецкому монастырю силу законовъ о торговыхъ пошлинахъ и не удовлетворялъ справедливыя иногда просьбы мѣстныхъ гражданскихъ властей, какова, напримѣръ, упоминавшаяся уже просьба двинскаго воеводы Нестерова на монастырскаго крестьянина Михалева, скупившаго въ Архангельскѣ весь хлѣбъ и подвергшаго архангельцевъ опасности умереть голодною смертію.

Вообще, при внимательномъ и безпристрастномъ обозрѣніи внѣшней стороны жизни соловецкихъ монаховъ XVII вѣка, т. е. ихъ отношеній къ окружающему міру, нельзя не убѣдиться, что эти отношенія всегда имѣли за собой заднюю мысль, были проникнуты эгоистическими и корыстными цѣлями. Вся дѣятельность монаховъ за стѣнами монастыря была направлена къ одной главной цѣли, именно пріобрѣтенію матеріальныхъ выгодъ и независимости. Раболѣпное, унизительное низкопоклонничество предъ московскими властями было однимъ изъ необходимыхъ средствъ къ достиженію главной цѣли и, какъ мы видѣли, практиковалось почти на каждомъ шагу. Самыя выраженія покорности царю и готовности выполнять его повелѣнія носятъ на себѣ сильный отпечатокъ этого характера. Мы были бы далеко не справедливы, если бы стали относить, напримѣръ, участіе монаховъ въ защитѣ сѣвера Россіи отъ не-

пріятеля, или денежныя жертвы въ государственную казну къ чистому патріотизму монаховъ. Монахи защищали сѣверъ потому, что онъ почти весь принадлежалъ имъ, и отъ благосостоянія его зависѣли огромные вотчинные доходы въ пользу монастыря. Въ казну деньги монахи почти никогда не жертвовали добровольно, а посылали по необходимости, вслѣдствіе царскаго повелѣнія и притомъ большею частію заимообразно. Такъ были посланы, напримѣръ, въ 1610 году—3150 рублей; въ 1632 году—13852 р., въ 1655 году—13000 р. и въ 1654 г. 20000 р. и 200 червонцевъ (1). Царь Алексѣй Михайловичъ иногда нарочно посылалъ въ Соловецкій монастырь своихъ бояръ для того, чтобы на мѣстѣ узнать о количествѣ запасныхъ монастырскихъ суммъ и лишнія изъ нихъ взять въ государственную казну. Такъ были увезены въ 1655 году 13000 руб., изъ 20000 р., оказавшихся на лицо въ монастырской казнѣ (2). Но постоянное уклоненіе монаховъ отъ выполненія законовъ по торговлѣ и упорное укрывательство въ стѣнахъ монастыря и въ вотчинахъ „сошлыхъ“ государственныхъ крестьянъ еще больше свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ нихъ искренняго патріотизма.

Такимъ образомъ дѣйствуя, монахи успѣшно достигали своей цѣли, — обогащенія и независимости. Предъ возмущеніемъ ихъ Соловецкій монастырь изъ скромнаго пріюта отшельниковъ былъ совсѣмъ превращенъ въ торговый городъ, имѣющій свой кремль съ крѣпостными орудіями и постояннымъ войскомъ, и богатый торговый флотъ, господствующій на Бѣломъ морѣ и судоходныхъ сѣверныхъ рѣкахъ. Сами монахи

(1) Ист. опис. Солов. мон. изд. 1836 г. ч. I. стр. 123, 136, 143 и 147.

(2) Алексѣй Михайловичъ не успѣлъ и не могъ расплатиться съ Соловецкимъ монастыремъ. Поэтому царь Петръ I-й повелѣлъ не брать слѣдующихъ съ монастыря по торговлѣ пошлинъ. Ист. опис. Сол. мон ч. I. стр. 174.

изъ смиренныхъ отшельниковъ превратились въ расторопныхъ барышниковъ, снующихъ по всѣмъ городамъ сѣверной Россіи, всюду имѣя свои конторы и постоянныхъ агентовъ-адвокатовъ. Богатство ручьями лилось въ ихъ обитель; оно десятками тысячъ лилось въ видѣ доходовъ отъ соляной торговли; но въ тоже время не переставало литься и въ видѣ доброхотныхъ даяній. Монахи умѣли сохранить за собой и этотъ источникъ. Торговыя дѣла имъ нисколько не мѣшали поддерживать въ русскомъ народѣ свою духовную репутацію. Она прочно держалась ихъ наружнымъ благочестіемъ. И въ стѣнахъ монастыря и въ городѣ среди народной толпы соловецкій монахъ всегда являлся въ своей бѣдной мантіи, съ неизбѣжными четками, приправляющій свою рѣчь вздохами и молитвою. Для русскаго человѣка XVII вѣка было этого совершенно достаточно, чтобы относиться къ монаху съ уваженіемъ, какъ къ человѣку святому и онъ не обращалъ вниманія на то, что монахъ пускается иногда въ несвойственныя монахамъ дѣла, какова торговля. А при такомъ почитаніи монаховъ у русскаго человѣка невольно являлось желаніе сдѣлать жертву въ обитель, въ надеждѣ, что монахи принесутъ за него молитву. Достигнувъ богатыхъ средствъ къ жизни, монахи достигли и свободы. Въ первой половинѣ XVII вѣка они не знали надъ собой никакой власти, кромѣ царя и патріарха, слишкомъ благоволившихъ къ нимъ и не имѣвшихъ ни желанія, ни возможности контролировать ихъ. Весь контроль со стороны царя и патріарха состоялъ въ томъ, что они изрѣдка иногда дѣлали отеческіе упреки и наставленія монахамъ по поводу нехорошихъ слуховъ о ихъ домашней жизни. Между тѣмъ при богатствѣ и безконтрольности монахи въ послѣднее время слишкомъ распустились. Это покажетъ намъ обозрѣніе ихъ домашней жизни.

II.

Домашній бытъ соловецкихъ монаховъ XVII вѣка.

Насколько жизнь соловецкихъ монаховъ первой половины XVII вѣка процвѣтала со внѣшней стороны, въ смыслѣ земнаго благосостоянія и благополучія, настолько же она увядала со стороны внутренней, въ смыслѣ религіозно-нравственномъ. Въ самомъ монастырѣ не было ни хорошихъ порядковъ, ни истиннаго благочестія, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ передовыхъ членовъ братства. На всемъ строѣ домашней жизни монаховъ лежитъ печать грубой темноты и разрушенія.

Главная причина упадка нравственно-религіозной жизни соловецкихъ монаховъ скрывается конечно въ ихъ обогащеніи, давшемъ имъ возможность жить привольно, и въ безконтрольности со стороны высшей власти. Но далеко не послѣдней причиной былъ и составъ самого братства и, въ частности, составъ монастырской администраціи, на обязанности коей лежало заботиться о поддержаніи въ монастырѣ всѣхъ порядковъ и нравственности братіи.

Въ XVII вѣкѣ, какъ и всегда, Соловецкій монастырь былъ переполненъ братствомъ. Въ 1649 и 1652 годахъ пребывало въ стѣнахъ монастыря всѣхъ жителей больше 1000 человѣкъ (1). Всѣ члены братства были народъ пришлый, стекшійся со всѣхъ концовъ Россіи. „Отъ начала житія преподобныхъ Зосимы и Савватія“, говоритъ игуменъ Илья въ челобитной къ царю Алексѣю Михайловичу, „и до нынѣ въ монастырѣ и въ соляныхъ нашихъ промыслахъ и во

(1) Въ 1649 г. монаховъ 350, послушниковъ, богомольцевъ, работниковъ, стрѣльцовъ, опальныхъ до 700. Въ 1652 г. монаховъ 377, прочихъ до 800 человѣкъ. Истор. Опис. Солов. монаст. ч. I. стр 144. Соловецкій древній лѣтописецъ и грамата царя Алексѣя Михайловича въ Соловецкой ризницѣ № 134.

всякихъ монастырскихъ трудникахъ и стрѣльцахъ жило и нынѣ живутъ люди ісе пришлые твоея государевы державы со всея земли разныхъ городовъ, и пожившъ, какъ кому годно, изъ монастыря отходятъ, а иные вновь приходятъ“ (1). По своему мірскому происхожденію братія принадлежала ко всѣмъ русскимъ сословіямъ. Подъ монашеской рясой всегда можно было встрѣтить и боярь, и дьяковъ, и подъячихъ, и посадскихъ людей, и старыхъ стрѣльцовъ, и, особенно, крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ. Вотъ нѣсколько взятыхъ на удачу образцевъ изъ братіи жившей во время самаго возмущенія: келарь Савватій Абрюминъ — бывшій московскій дворянинъ (2), казначей Геронтій — сынъ подъячаго изъ Чебоксаръ; старцы: Митрофанъ — арзамасецъ, Варлаамъ — изъ Юрьева — поволжскаго — оба посадскіе люди; Павелъ — вологжанинъ—дворцовый крестьянинъ; Діонисій — изъ Архангельска стрѣлецкій сынъ; Манассія — литвинъ изъ Смоленска и т. д. (3). Не менѣе различны были и побужденія у братіи къ прибытію подъ кровъ Соловецкой обители. „Ищущихъ постническаго житія“, какъ говорится въ чинѣ постриженія монаховъ, между ними было кажется меньше всего. Большая часть пришла по нуждѣ, отыскивая себѣ кусокъ хлѣба и безпечное житье, или избѣгая крѣпостнаго рабства и даже преслѣдованія за преступленія и т. д. „А приходятъ, государь, они“, говорилъ игуменъ Илья предъ царемъ въ 1647 г. „по своему обѣщанію, для исцѣленія, кто насколько лѣтъ жить у чудотворцевъ обѣщался въ трудѣхъ, а иные, государь, отъ бѣдности для прокормленія и наймовъ въ монастырѣ и въ нашихъ соляныхъ варницахъ наймуючися живутъ, соль варятъ и дрова сѣкутъ, и на лодьяхъ ходятъ,

(1) Дополн. къ Акт. истор. т. III, № 33 стр. 114.

(2) Истор. Опис. Солов. монаст. ч. I. стр. 150.

(3) Акты истор. т. IV, № 248 стр. 352.

и всякія труды тружаются, а иные безъ наймовъ по вѣрѣ" (1).... Это, правда, говорится о временныхъ членахъ Соловецкой обители, богомольцахъ и работникахъ. Но они-то и пополняли главнымъ образомъ убыль въ братствѣ. Многіе, конечно, по:кивъ въ обители кому какъ годно, „отходили изъ монастыря", но многіе и оставались навсегда, и при первомъ удобномъ случаѣ постригались въ монашество. Въ 1647 году дворянинъ Василій Золотаревъ, прибывшій по царскому повелѣнію въ Соловецкій монастырь для отысканія сошлыхъ государственныхъ крестьянъ, нашелъ ихъ здѣсь большое множество; нѣкоторые жили въ качествѣ „наемныхъ" и „обѣтныхъ" людей лѣтъ по двадцати, по тридцати и по сорока. Когда Золотаревъ потребовалъ, чтобы они возвратились на свои прежнія мѣста жительства, они всѣ подали царю челобитную о дозволеніи постричься въ монашество (2). И не постригались столь долго въ монахи они, по всей вѣроятности, потому, что будучи людьми простыми, бѣдными, не могли добиться этой милости предъ монастырскимъ начальствомъ, которое до сихъ поръ соблюдаетъ преданіе святыхъ чутотворцевъ въ „монастырскій чинъ" никого не постригать прежде, нежели не побываетъ въ монастырской хлѣбнѣ, пекарнѣ и въ прочихъ службахъ (3), дабы не даромъ, за тѣмъ, подъ монашескимъ клобукомъ могли до самой смерти спокойно сидѣть въ кельи и молиться. Исключенія бываютъ только для немногихъ счастливцевъ, каковы настоятельскіе келейники, вкладчики, или люди чѣмъ нибудь особенно дорогіе монастырю по своимъ способностямъ (4). Не пренебрегало монастырское началь-

---

(1) Дополн. къ Акт. Истор. т. III. № 33. стр. 116.

(2) Тамъ же № 82, стр. 289.

(3) Матеріалы для исторіи Раск. 1870 г. т. III 68.

(4) Въ 1666 г. братія жаловалась на архимандрита Варѳоломея, что онъ постригъ «пьянаго» Ивашка Никитина и имѣлъ въ кельяхъ 15 лѣтняго діакона Макарія, ibid стр. 51, 52.

ство принятіемъ въ среду братства бѣглецовъ и преступниковъ. Во время осады монастыря въ таборъ къ воеводѣ Мещеринову въ числѣ прочихъ выходцевъ явился собственный Мещеринова крѣпостной крестьянинъ Кирилко Степановъ, который, бѣгаючи отъ своего господина, жилъ въ Соловецкомъ монастырѣ подъ именемъ Ѳедьки Хохликова, и между прочимъ объявилъ Мещеринову, что съ нимъ въ монастырѣ жили и другіе его крестьяне Вологодской вотчины, деревни Песья Погоста до 6 человѣкъ, тѣ именно, которые убили прикащика до смерти, а „принимали тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ монастырь прежнія власти до осады“ (1). Въ 1650 г. новгородскій митрополитъ Никонъ требовалъ отъ соловецкаго игумена Ильи высылки Звенигородскаго монастыря чернаго попа Варлаама „заворовавшаго и сбѣжавшаго изъ своего монастыря“ (2). Въ 1659 г. вологодскій архіепископъ Маркеллъ требовалъ бѣглаго поляка Гордѣйка Семенова (3). Въ 1664 году былъ, по повелѣнію царя, представленъ въ Москву головщикъ старецъ Іона Брызгало, который будучи раньше въ Тулѣ мірскимъ дьякономъ вмѣстѣ со своимъ братомъ обокралъ церковь Ивановскаго монастыря и былъ посаженъ въ тюрьму; за тѣмъ отданный на поруки разряднаго подъячаго Григорья Богданова скрылся и послѣ оказался, самовольно снявши дьяконскій санъ, въ Костромѣ, въ числѣ стрѣльцовъ, сбѣжавъ и отсюда „ходилъ въ коновалѣхъ и, наконецъ, пришедъ въ Соловки, постригся и далъ себѣ имя Іона (4). Словомъ, Соловецкій монастырь свободно отворялся предъ всѣми желающими въ немъ жить и трудиться, не спрашивая иногда ни происхожденія, ни причины прибытія.

---

(1) Матеріалы для истор. Раск. т. III. стр. 94.

(2) Сказка Мещеринова. Истор акт. т. IV, № 215, стр. 295.

(3) Подлин. грам. въ Соловецк. ризницѣ № 386.

(4) Подлин. грам. въ Солов. ризн. № 497.

Кромѣ собственной братіи—монаховъ, послушниковъ и другихъ кондидатовъ на монашество въ Соловецкомъ монастырѣ всегда были „опальные люди“, большею частію духовнаго чина; часть ихъ сидѣла въ монастырскихъ тюрьмахъ, но не мало было и такихъ, которые были посланы только въ „смиреніе“ и жили среди братства, пользуясь наравнѣ съ братіей различными монашескими правами и участвуя иногда въ монастырскихъ „мятежахъ“. Въ 1666 году соловецкіе монахи писали царю: „По твоему великаго государя указу сосланы къ намъ въ Соловецкій монастырь въ разныхъ годѣхъ и мѣсяцѣхъ: твой государевъ стольникъ князь Михайло, княжъ Васильевъ, сынъ Львовъ, да аѳонскій архимандритъ лазутчикъ Ѳеофанъ, да съ Москвы козьмодеміанской попъ Козьма, да съ Вологды попъ Сысой, да рейтарскаго строю ротмистръ Осипъ Пирютинъ, да саввинскіе старцы и иные многіе старцы и мірскіе люди разныхъ чиновъ человѣкъ съ сорокъ.... И отъ тѣхъ опальныхъ людей чинятся здѣ въ монастырѣ мятежи многіе, потому что ихъ умножало, да отъ нихъ же чинится безчинніе многое“ (1). У опальныхъ, конечно, не было своихъ побужденій попасть въ отдаленный заморскій монастырь „подъ началъ“. Поэтому мы укажемъ на ихъ вины, за которыя они иногда ссылались правительствами духовнымъ и гражданскимъ. Въ 1627 г., напримѣръ, были присланы: Хутынскаго монастыря діаконъ Ефремъ „за іерейское священно-служеніе“; Троицкой лавры старецъ Пахомій Нащокинъ „за блудъ и неистовство“; въ 1628 году дьячекъ Василій Марковъ „за растлѣніе своей дочери“ (2). Князь Михаилъ Васильевичъ Львовъ—бывшій начальникъ печатнаго двора при патріархѣ Іосифѣ — по подозрѣнію въ искаженіи, вмѣстѣ съ Аввакумомъ и другими княжными справщиками,

(1) Матеріал. для Ист. Раск. т. III. стр. 101.

(2) Граматы Патріарха Филарета въ Соловецкой ризницѣ подъ №№ 459, 460, 462.

богослужебныхъ книгъ (1). Въ 1648 году по царскому указу были сосланы изъ Москвы, изъ всѣхъ приказовъ всякихъ чиновъ многіе опальные люди подъ началъ и въ тюрьму, какъ политическіе преступники (2). Не мало попадало въ ссылку на Соловецкіе острова и разнаго рода бродягъ — ложныхъ монаховъ, архимандритовъ и даже греческихъ архіереевъ. Въ 1669 г., когда соловецкіе монахи — старообрядцы выслали изъ монастыря на берегъ 12 человѣкъ опальныхъ, между ними былъ греческій митрополитъ Макарій и семь человѣкъ чернцовъ (3). Иногда впрочемъ, ссылались безъ особенной вины, по одному только подозрѣнію въ неправославіи. Такъ былъ сосланъ извѣстный Арсеній грекъ, вызванный потомъ въ Москву патріархомъ Никономъ и сдѣлавшійся его правой рукой при исправленіи русскихъ богослужебныхъ книгъ. Между тѣмъ всѣ эти опальные люди содержались „не крѣпко“ и съ нѣкоторыми изъ братіи были въ тѣсной дружбѣ. Въ 1651 г. новгородскій митрополитъ Никонъ писалъ въ монастырь: „да къ вамъ же въ монастырь по государеву указу посылаютъ подъ началъ старцевъ и всякихъ чиновъ людей и вы ихъ держите не по государеву указу, не крѣпко, во всемъ имъ свободу даете, а противъ государева указу подъ крѣпкій началъ не отдаете“ (4). Въ 1666 году нѣкоторые изъ братіи жаловались царю на соборныхъ старцевъ: Александра Стукалова, Геннадія и Ефрема (отставнаго), что они живутъ съ опальными людьми (кн. Львовымъ, архимандритомъ — лазутчикомъ Θеофаномъ и другими) за одно, и мятежи чинятъ, и воровскія письма составляютъ, и сходятся на монастырѣ

---

(1) Матеріалы для исторіи Раск. Субботина 1870 г. т. III. стр. 103.

(2) Сборникъ копій съ граматъ въ Солов. архивѣ № 7.

(3) Дополн. къ Акт. истор. т. V, ч. I. стр. 343.

(4) Истор. опис. Соловецк. мон. ч. I. стр. 267

и на переходѣхъ и въ кельяхъ почи просиживаютъ" (1).

Такъ различно было соловецкое братство по своему мірскому происхожденію и по своимъ побужденіямъ къ поселенію на Соловецкихъ островахъ. Но когда мы примемъ во вниманіе, что всѣ эти люди стекались подъ кровъ Соловецкой обители въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ, потому что дѣти, по крайней мѣрѣ такія, которыя не были въ состояніи трудиться, а напротивъ требовали за собой ухода, въ монастырь никогда не принимались, то необходимо предположить, что каждый изъ членовъ братства имѣлъ до извѣстной степени установившійся еще въ міру свой характеръ, свои нажитыя привычки, а можетъ быть и убѣжденія. И эти характеры, привычки, убѣжденія должны быть столь же различны, сколь различно ихъ происхожденіе и воспитаніе и по временамъ, при удобномъ случаѣ, легко могли обнаруживаться и подъ монашеской рясой.

Во всякомъ случаѣ монашеская ряса и общее житіе прикрывали и нѣсколько обобщали различіе происхожденія и характеровъ братіи. Лишь только переступалъ порогъ Соловецкой обители какой бы ни было пришлецъ, пожелавшій остаться въ монастырѣ и удостоившійся отъ монастырскаго начальства принятія въ общину, онъ одѣвался въ монастырскую одежду, пилъ и ѣлъ монастырскую пищу за однимъ столомъ съ братіей; трудился на пользу общины и былъ въ постоянномъ, рабскомъ, безмолвномъ послушаніи у старцевъ, руководителей меньшей братіи, до тѣхъ поръ, пока самъ не достигалъ монашества и званія духовнаго старца. Эта меньшая братія, служки и служебники, по числу всегда превосходила старшую братію и никогда не жила своимъ умомъ, что было бы съ точки зрѣнія монашеской бѣсовскою гордостью, и для старцевъ, какъ увидимъ, иногда служила слѣ-

(1) Матеріалы для истор. Раск. т. III стр. 101.

нымъ орудіемъ при разныхъ монастырскихъ мятежахъ. Къ числу этихъ добровольныхъ рабовъ можно отнести и всѣхъ „обѣтниковъ“ и „наймитовъ“, потому что и они, оставаясь въ монастырѣ, должны были только слушать и выполнять приказанія старцевъ и ни о чемъ не разсуждать. Таковы правила монастырской жизни. За то старшая братія, т. е. собственно монахи, число которыхъ не простиралось свыше 400 человѣкъ, упрочившіе въ монастырѣ свое положеніе и достигшіе тѣхъ или другихъ монашескихъ чиновъ, могли уже ни въ чемъ не стѣсняться, могли обо всемъ— земномъ и небесномъ разсуждать свободно, почти непогрѣшимо. Впрочемъ и между этой братіей было не мало людей смиренныхъ, безмолвныхъ и рабски послушныхъ, вслѣдствіе своей простоты и забитости. Надъ всѣмъ вообще братствомъ возвышалась по своему могуществу, дѣятельности, а иногда и мятежамъ только небольшая партія изъ людей расторопныхъ, отъ которыхъ зависѣлъ весь строй монастырской жизни. Впереди это выяснится само собой.

Вся Соловецкая община, нужно сказать, стояла на низкой, самой простонародной степени умственнаго развитія. При совершенномъ отсутствіи въ Россіи школьнаго образованія являлись въ обитель люди большею частію безграмотные, особенно изъ низшаго крестьянскаго сословія. Пришельцы съ образованіемъ, конечно, домашнимъ и не переступающимъ дальше умѣнья читать по славянски и писать, считались не малою рѣдкостью. Это были люди по преимуществу изъ „посадскаго“ и „служилаго“ сословій, которые могли, притомъ, предъ простыми монахами гордиться своимъ мірскимъ происхожденіемъ, своимъ большимъ кругозоромъ на все и большею опытностью въ житейскихъ дѣлахъ, а потому и скорѣе другихъ пріобрѣтали себѣ въ братствѣ уваженіе и честь, являлись людьми передовыми. Таковы напр. келарь Савватій Абрюминъ — бывшій московскій дворянинъ, до 1666 года стоявшій во главѣ монаховъ старообрядцевъ, и каз-

начей Геронтій сынъ чебоксарскаго подъячаго, слывшій между монахами старообрядцами за „златоуста“ (1). Не могли пришельцы получить образованія и въ Соловецкомъ монастырѣ, потому что здѣсь не было и подобія хотя бы низшихъ школъ. Притомъ условія жизни новичковъ были таковы, что имъ было почти некогда думать о грамотѣ; пришельца съ перваго дня вступленія въ братство обыкновенно опредѣляли къ какому нибудь дѣлу, „назначали на послушаніе“, которое онъ долженъ былъ проходить добросовѣстно, если не хотѣлъ лишиться надежды на постриженіе въ монашество; а чтобы проходить добросовѣстно, необходимо быть на послушаніи все время, которое свободно отъ церковныхъ службъ, а затѣмъ обязанъ бывать и въ храмѣ Божіемъ на общей молитвѣ, чтобы показать предъ кѣмъ слѣдуетъ свое нелицемѣрное усердіе къ жизни монашеской. Такимъ образомъ у новичка все время проходило въ трудахъ и молитвѣ и за книжку можно было взяться развѣ только въ праздничные дни. Но и въ это свободное время онъ могъ взяться за книжку не иначе, какъ съ благословенія своего старца, подъ руководствомъ котораго трудится и спасается, а изъ старцевъ всегда было не мало такихъ, которые книжную мудрость считали первымъ шагомъ къ гордости — матери всѣхъ пороковъ и рекомендовали своему сыну лучше класть нѣсколько лишнихъ въ день поклоновъ и помышлять только о смерти. Въ 1666 г. соловецкая братія между прочимъ обвиняла предъ царемъ архимандрита Варѳоломея въ томъ, что онъ „присланному въ Соловецкій монастырь Сергунькѣ — сыну государева измѣнника Тимошки велѣлъ грамотѣ учиться“, тогда какъ въ царской граматѣ прямо сказано: „беречи его и

(1) Опис. Сол. монаст. 1836 г. ч. I. стр. 155.

грамотѣ не учить (1). Но у молодой соловецкой братіи было сильнымъ побужденіемъ къ изученію грамоты то, что грамота давала надежды со временемъ удостоиться священнаго сана, освобождающаго на всю жизнь отъ трудныхъ монастырскихъ работъ. По этимъ побужденіямъ многіе, урывая ночные и праздничные часы, въ монастырѣ уже дѣлались способными разбирать псалтирь и служебникъ. Тѣмъ не менѣе въ Соловецкомъ братствѣ XVII вѣка мы видимъ больше половины людей совершенно безграмотныхъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно взглянуть на любую изъ челобитныхъ, поданныхъ отъ братства къ царю Алексѣю Михайловичу во время старообрядческихъ волненій. Изъ 1000 человѣкъ къ челобитнымъ подписывалось только нѣсколько десятковъ старцевъ за себя и вмѣстѣ за своихъ безграмотныхъ духовныхъ дѣтей (2). Между неграмотными, или по-крайней мѣрѣ такими, которые не умѣли подписать подъ документъ свое имя, являются даже келари, соборные старцы, дьяконы и священники. Къ одной челобитной священникъ Леонтій подписался вмѣсто келаря старца Азарія, соборныхъ старцевъ Іоиля и Ѳеодосія „дѣтей своихъ духовныхъ“ и священниковъ, которые писать не умѣютъ: Симіона и Димитрія (3). Тотъ же Леонтій къ отводной казначейской книжкѣ 1671 г. подписался вмѣсто своихъ дѣтей духовныхъ келаря старца Маркелла, казначея старца Мисаила, соборныхъ старцевъ: Макарія и Епифанія (4). Для грамотной братіи съ XV столѣтія существуетъ въ Соловецкомъ монастырѣ богатая библіотека. Но она

---

(1) Матер. для исторіи Раск. 65.

(2) Тамъ же, стр. 3. 45, 152. 160, 174, 211.

(3) Матер. для истор. Раск. стр. 211. Леонтій за Азарія подписывался еще дважды. См. ibid 161. и 152 и разъ—попъ Селивестръ—174.

(4) Собраніе отводныхъ книгъ въ Соловецк. арх. № 4.

въ XVII вѣкѣ могла быть доступна и полезна только не многимъ такимъ начетчикамъ, каковы были казначей Геронтій, составитель извѣстной соловецкой челобитной, старецъ Герасимъ Фирсовъ — составитель тетрадокъ „о сложеніи перстовъ десныя руки“ и под. имъ. Для остальной полуграмотной братіи существованіе ея было почти безполезно; эти старцы довольствовались псалтирью и служебникомъ. Притомъ библіотека и для тѣхъ, которые умѣли ею пользоваться, не много приносила пользы въ умственномъ развитіи: въ XVII вѣкѣ она была наполнена произведеніями исключительно аскетически созерцательнаго характера, съ оттѣнкомъ апокрифическимъ (1). Пользуясь ею, любитель чтенія могъ развить въ себѣ только религіозныя чувства и фантазію, а никакъ не умъ. Умственный кругозоръ могъ, пожалуй, отъ такого чтенія дѣлаться еще уже, одностороннѣе, что и отразилось на соловецкихъ начетчикахъ, поднявшихъ огнестрѣльное оружіе на защиту буквы писанія (2). Самымъ рельефнымъ выраженіемъ состоянія грамотности въ Соловецкомъ монастырѣ въ XVII вѣкѣ можетъ служить отзывъ соловецкихъ священниковъ и діаконовъ о самихъ себѣ, когда въ 1657 году были предъявлены имъ новоисправленныя богослужебныя книги. Они въ трапезѣ на черномъ соборѣ архимандриту Ильѣ откровенно сказали: „повыкли мы божественныя литоргіи служить по старымъ служебникамъ, по которымъ мы исперва учились и привыкли, а нынѣ и по тѣмъ служебникамъ мы старые священники очередей своихъ недѣльныхъ держать не сможемъ, а по новымъ служебникамъ для своей старости учитца не сможемъ же, да и некогда, которое и учено было и то мало видимъ; мы священницы и дьяконы мало-

---

(1) Православн. Соб. 1859 г. кн. 1 — 2, статья «Библіотека Сол. мон. стр. 24 — 39.

(2) Челоб. пятая. Матер. для истор. Раск. 1878 г. т. III. стр. 217.

мочные и грамотѣ не навычны и къ ученію косны, по которымъ служебникамъ старымъ многія лѣта учились, служили съ великою нуждою и Бога славили, а по новымъ книгамъ служебникамъ, что прислалъ изъ Колмогоръ старецъ Іосифъ, намъ чернцемъ коснымъ и непереимчивымъ сколько ни учитца, а не навыкнуть, лучше будетъ съ братіею въ монастырскихъ трудахъ быти" (1). И это говорили люди, которые въ монастырѣ были по преимуществу грамотные! Неудивительно поэтому, что появившійся въ братствѣ какой нибудь начетчикъ, умѣющій нетолько читать, но и сочинять и бойко говорить отъ писанія, каковы были священникъ Геронтій и князь Львовъ, легко могъ увлекать за собой многочисленную простоватую братію и доводить ее до фанатизма.

При совершенной умственной неразвитости братства порядокъ въ монастырѣ и нравственность братіи могли поддерживаться исключительно религіозно-аскетическимъ воспитаніемъ молодой братіи, о которомъ заботились лучшіе изъ соловецкихъ монаховъ. Съ этою цѣлью въ Соловецкомъ монастырѣ съ давнихъ поръ существовало такъ называемое „старчество". Оно состояло въ томъ, что каждый вновь вступившій въ братство человѣкъ молодой ли, или старикъ, — непремѣнно отдавался подъ руководство кому нибудь изъ опытныхъ въ монашеской жизни и давно живущихъ въ монастырѣ старцевъ — монаховъ. Старецъ по отношенію къ своему питомцу дѣлался такимъ образомъ духовнымъ его отцемъ, заботился о спасеніи его души, считалъ себя отвѣтственнымъ передъ Богомъ за ввѣренную ему душу и потому требовалъ отъ духовнаго своего сына безпрекословнаго себѣ послушанія. Идеаломъ истиннаго послушника считался тотъ, который по приказанію своего старца „не разсуждая" готовъ идти въ огонь и въ воду, хо-

(1) Матеріалы для истор. Раск. стр. 5—6

тя бы старецъ посылалъ его туда только искушая его вѣрность. „Послушаніе“ въ монашеской жизни считается выше поста и молитвы и въ твореніяхъ древнихъ восточныхъ аскетовъ почти на каждой страницѣ можно встрѣтить похвалу послушанію и примѣры достигшихъ душевнаго спасенія только однимъ безпрекословнымъ послушаніемъ игумену, или своему старцу. Пропитанный такимъ взглядомъ на дѣло душевнаго спасенія и строго заботящійся о спасеніи своего духовнаго сына, старецъ повѣрялъ каждый его шагъ, каждый поступокъ, каждую мысль. Въ этихъ видахъ, онъ требовалъ отъ ученика, чтобы тотъ каждый день утромъ и вечеромъ разсказывалъ ему со всѣмъ чистосердіемъ о томъ, что въ извѣстное время дѣлалъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ говорилъ, не подумалъ-ли что нибудь худое про игумена, или про кого-нибудь изъ братіи, особенно же про него — старца? Послѣдній помыслъ считался особенно важнымъ грѣхомъ, потому что онъ могъ породить въ ученикѣ недовѣріе къ старцу, а тогда и всѣ хлопоты старца о спасеніи ученика должны считаться совершенно напрасными. Чтобы не случилось этого, старецъ внушалъ ученику, чтобы онъ видѣлъ въ своемъ старцѣ по меньшей мѣрѣ человѣка, отъ котораго исключительно зависитъ его душевное спасеніе, устами котораго вѣщаетъ самъ Богъ и, которому, слѣдовательно, должно довѣрять во всемъ (1). Въ настоящее время въ Соловецкомъ монастырѣ старчество почти не существуетъ. Лишь весьма не многіе изъ монаховъ, достигшихъ „духовной опытности“, иногда принимаютъ къ себѣ послушниковъ на духовную бесѣду, но почти никогда не могутъ привязать ихъ къ себѣ навсегда. Это можно на-

(1) Теорію ученія о старчествѣ можно видѣть въ «Лѣствицѣ» Іоанна, подвижника Синайскаго — этомъ самомъ любимомъ у строгихъ монаховъ, руководствѣ аскетической жизни, а примѣненіе теоріи къ жизни до сихъ поръ практикуется въ нѣкоторыхъ нашихъ монастыряхъ, напр. Валаамскомъ.

звать жалкимъ остаткомъ старчества прежняго, совершенно утратившаго духовную силу. Однако не болѣе какъ лѣтъ тридцать назадъ старчество въ Соловецкомъ монастырѣ, по словамъ братіи, было еще въ большомъ развитіи. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ скончался въ схимѣ самый уважаемый старецъ Филаретъ, который имѣлъ десятки духовныхъ дѣтей и былъ такъ строгъ къ нимъ, что праваго и виноватаго морилъ на поклонахъ, но ученики не имѣли силы духа оставить его, чтобы не лишиться спасенія; бывали случаи, когда онъ даже не допускалъ своихъ учениковъ до святаго причастія, хотя бы они были разрѣшены отъ всѣхъ грѣховъ общимъ монастырскимъ духовникомъ, считая духовнаго старца выше всякаго духовника. Говорятъ, — самъ настоятель архимандритъ Димитрій, имѣвшій неосторожность при поступленіи въ монастырь отдаться подъ руководство этому старцу, до самой смерти мучился отъ его контроля и привязчивости къ каждому поступку и дѣйствію, иногда даже по монастырскимъ дѣламъ. Такъ былъ тѣсенъ союзъ старца съ своимъ ученикомъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ XVII вѣкѣ союзъ этотъ, при большей религіозной простотѣ, былъ конечно еще тѣснѣе и разорвать его могла только смерть старца или ученика. Есть факты, которые свидѣтельствуютъ, что нѣкоторые старцы доживали до внучатъ духовныхъ. Мы видѣли уже, что священникъ Леонтій въ ряду своихъ учениковъ считалъ уже келарей, казначеевъ, соборныхъ старцевъ и священниковъ. Эти старые и чиновные его ученики не могли въ свою очередь не обзаводиться своими учениками. Историческіе памятники свидѣтельствуютъ далѣе, что соловецкіе старцы XVII вѣка жили со своими учениками совершенно одною, такъ сказать, душею. Какихъ убѣжденій держался, какъ поступалъ, куда шелъ старецъ, тоже дѣлалъ и его ученикъ. Въ 1674 году вышелъ изъ монастыря въ станъ къ воеводѣ Мещеринову и принесъ повинную старецъ Амвросій; между прочимъ онъ объ-

ленилъ, что „отъ него остался въ монастырѣ его послушникъ (духовный сынъ) старецъ Питиримъ крылошанинъ и изъ монастыря онъ съ нимъ бѣгалъ, и воры его изъ монастыря не выпускаютъ, а онъ къ нимъ ворамъ ни въ чемъ не приставаетъ“ (¹). Въ тоже время вышли старцы: Павелъ съ ученикомъ старцемъ Діонисіемъ, оставивъ въ монастырѣ удержаннаго ворами другаго ученика старца Арсенія, и Геронтій съ ученикомъ Манассіей. Всѣ они и старцы и ученики въ монастырѣ молились за царя, вопреки запрещенію со стороны заправлявшихъ бунтомъ, и за это терпѣли тюремное заключеніе, были наказаны даже плетьми. Но въ убѣжденіяхъ Павла и Геронтія относительно церковныхъ порядковъ была разница. Павелъ предъ Мещериновымъ подчинился церкви, а Геронтій отказался. Тоже видимъ и въ ученикахъ ихъ. Діонисій — ученикъ Павла подчинился безпрекословно, а Манассія — ученикъ Геронтіевъ оказался твердъ въ старомъ благочестіи, какъ и его духовный отецъ (²). Изъ этого само собой становится понятнымъ и то, что каковъ былъ старецъ, таковы были и ученики его въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и не мудрено, что во время возмущенія за возмутившимися старцами шла масса учениковъ ихъ, безсознательно подчинялись ихъ приказаніямъ.

Хорошо поставленное и примѣняемое къ аскетической жизни людьми опытными и добросовѣстными, старчество, безъ сомнѣнія, можетъ приносить большую пользу въ монашеской жизни. Но въ Соловецкомъ монастырѣ въ XVII вѣкѣ оно, вслѣдствіе злоупотребленій со стороны недостойныхъ старцевъ, служило только къ заговорамъ и мятежамъ. Роль старцевъ играли не иноки опытные въ жизни духовной, а тѣ, ко-

---

(¹) Акт. истор. т. IV. № 248, стр. 533.

(²) Тамъ же стр. 534 — 537.

торые были въ монастырѣ сильнѣе другихъ и имѣли матеріальныя средства къ приманкѣ толпы молодыхъ учениковъ. Старцами этого времени были по преимуществу игуменъ, соборная братія и священники. Они только и были окружены учениками, а бѣдные, смиренные, хотя и опытные въ духовной жизни монахи, оставались совершенно безъ учениковъ. Вотъ какъ отзывался о соловецкомъ старчествѣ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ: „а игумены, и келари, и казначеи, и соборные старцы держатъ у себя многихъ учениковъ, а подъ началъ *священникамъ* и рядовымъ старцамъ старымъ и житіемъ добрымъ не отдаютъ, и живутъ въ Соловецкомъ монастырѣ кельями и заговоромъ: старецъ помогаетъ (въ неправдѣ) ученику своему, а ученикъ помогаетъ старцу своему (¹). Изъ другихъ памятниковъ видно, что кромѣ игумена и братіи соборной имѣли духовныхъ дѣтей и священники, которые вѣроятно со старчествомъ совмѣщали и роль обыкновенныхъ духовниковъ. Подъ приговоромъ братіи о непринятіи новопечатныхъ книгъ 1658 года напр. имѣются слѣдующія подписи восьми священниковъ: „къ сей сказкѣ попъ Савва руку приложилъ и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ, которые грамотѣ не умѣютъ. Попъ Виталій руку приложилъ и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ, которые грамотѣ не умѣютъ. Попъ Спиридонище и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ руку приложилъ“ и т. д. (²). Подобное рукоприкладство во множествѣ встрѣчается и подъ челобитными монаховъ къ царю, во время возмущенія (³). Благодаря такой постановкѣ старчества, соловецкое братство въ XVII вѣкѣ раздѣлилось на партіи, интригующія между собою, что обнаружилось особенно

(¹) Ист. опис. Солов. монаст. 1836 г. ч. I. стр. 298.

(²) Матеріалы для ист. Раск. 1878 г. т. III.

(³) Ibid стр. 45, 152, 160 и др.

при началѣ возмущенія монаховъ. Впереди стояла партія настоятеля съ его „совѣтниками", управлявшая монастыремъ и каравшая больше всего людей скромныхъ, честныхъ, но не принадлежавшихъ къ этой партіи и не желавшихъ слѣдовать ея правиламъ, когда они не согласовались съ правилами истинно монашеской жизни. Второе мѣсто занимала партія старыхъ прикащиковъ — „любителей пьянаго питья и смутъ на черномъ соборѣ". Для этой партіи въ монастырѣ не существовало ни устава, ни настоятеля съ совѣтниками; она жила свободно, размашисто и была настолько сильна, что могла по своему произволу ставить келарей и казначеевъ, „потаковниковъ" своимъ слабостямъ. Мы на этихъ двухъ партіяхъ и остановимся, потому что отъ нихъ исключительно въ монастырѣ зависѣло добро и зло, имъ собственно монастырь обязанъ возмущеніемъ.

Настоятель съ своими совѣтниками — келаремъ, казначеемъ и соборными старцами составляли постоянный монастырскій соборъ, т. е. высшее административное монастырское учрежденіе. Выборъ настоятеля и членовъ собора, по древнему преданію, зависѣлъ отъ всего братства—на *черномъ* соборѣ; выбирались исключительно соловецкіе постриженики; причемъ выборъ настоятеля, келаря и казначея утверждался самимъ царемъ (¹). Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, насколько добросовѣстно выбирался настоятель; только изъ челобитной игумена Ильи къ царю въ 1647 году на соловецкихъ мятежниковъ видимъ, что „отъ братскаго нестроенія игуменамъ бываютъ перемѣны частыя и безъ игуменовъ проходило многое время и братія повыкли жить по своей волѣ" (²). Но вотъ какъ описываетъ въ 1636 году въ

(¹) Истор. опис. Соловецк. мон. ч. II, стр. 204.

(²) Истор. опис. Солов. мон. ч. I. стр. 270.

своей грамотѣ въ монастырь царь Михаилъ Ѳеодоровичъ выборъ келаря и казначея: „а келарей и казначеевъ выбираютъ (сол. монахи) безъ соборныхъ старцевъ и безъ чернаго собору, тѣ старцы, которые пьяное питье пьютъ и на черныхъ соборѣхъ смуту чинятъ, и выбираютъ потаковниковъ, которые бы имъ молчали, и въ смиреніе не посылали и на погребѣ бы имъ безпрастанно квасъ поддѣльный давали; а которые старцы постриженники старые, и житіемъ искусны, и преданіе великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія хранятъ, и тѣхъ старцевъ безчестятъ и на соборѣ говорить имъ не даютъ (1). Въ соборные старцы попадали исключительно люди престарѣлые, чѣмъ нибудь выгодно послужившіе монастырю, въ званіи, напримѣръ, „вотчиннаго прикащика“. Въ 1666 году соловецкіе монахи были возмущены тѣмъ, что архимандритъ Варѳоломей „поверсталъ въ соборъ честнѣе старыхъ старцевъ“ своего духовнаго сына молодаго монаха Иринарха, который ни въ хлѣбнѣ, ни въ пекарнѣ, ни въ другихъ монастырскихъ службахъ не бывалъ и постриженъ всего года съ два назадъ (2). Соловецкая исторія намъ не говоритъ о томъ, чтобы званіе соборнаго старца давалось всѣмъ братствомъ, на черномъ соборѣ. По всей вѣроятности оно давалось монастырскими властями — настоятелемъ и наличными членами собора, а братія только не препятствовала этому, въ виду несомнѣнныхъ заслугъ извѣстнаго старца. Во всякомъ случаѣ безъ произвола настоятеля съ совѣтниками не обходилось. Мы видѣли уже, что архимандритъ Варѳоломей самовольно сдѣлалъ членомъ собора м. Иринарха. Этотъ же настоятель старца Іоасафа, ученика бывшаго келаря Троицкой лавры Александра Булатникова „за свою злобу

(1) Ibid. ч. I. стр. 268.

(2) Матеріалы для Исторіи Раск. III. 68.

безъ монастырскія вины билъ плетьми и отъ собору отказалъ“ (¹). Нѣкоторые заслуженные старцы удостоивались почетнаго званія соборнаго члена и по царскому повелѣнію. Михаилъ Ѳеодоровичь повелѣлъ быть въ числѣ соловецкихъ соборныхъ старцевъ проживавшимъ на покоѣ въ Соловецкомъ монастырѣ: бывшему келарю Троицкой лавры Александру Булатникову и бывшему келарю Хутынскаго монастыря Прокопью Вехтереву. Но съ посторонними членами собора настоятель и собственная соборная братія не всегда уживались, особенно если они смѣло возвышали свой голосъ на соборѣ, каковымъ былъ Александръ Булатниковъ. Булатниковъ — кумъ и любимецъ царскій не разъ жаловался царю, что голосъ его на соловецкомъ соборѣ не принимается, и царь не разъ повелѣвалъ соловецкому настоятелю съ братіей принимать совѣты его, какъ человѣка опытнаго; не смотря на это, настоятель игуменъ Илья со своимъ соборомъ постарались выжить безпокойнаго старца не только изъ собора, но и изъ самой обители: въ 1646 году они оговорили его предъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ какомъ то заговорѣ, такъ что царь потребовалъ учениковъ Булатникова—старцевъ Петра Оладьина и Ефима Иголкина въ приказъ большаго дворца къ допросамъ. Доносъ не оправдался; тѣмъ не менѣе Булатникову было воспрещено вмѣшиваться въ монастырскія дѣла. Въ 1649 году онъ отъ нажитой къ себѣ ненависти со стороны соловецкой братіи снова вынужденъ былъ удалиться въ Троицкую лавру (²). Остальные соборные старцы должны были сдѣлаться или *истинными* совѣтниками настоятеля съ келаремъ и казначеемъ и „потаковниками“ слабой братіи, или сидѣть на соборѣ молча, если не хотятъ лишиться

(¹) Ibid. n. 60.

(²) Царскія граматы въ Солов. ризницѣ №№ 92, 94, 110, 111, 113, 116, 118. Истор. Опис. Соловецк. мон. ч. I. стр. 138.

почетнаго титла. Вѣроятно большая часть престарѣлыхъ членовъ такъ и поступала, полагаясь во всѣхъ случаяхъ на мудрость настоятеля съ ближайшими его совѣтниками келаремъ и казначеемъ. По крайней мѣрѣ ни исторія монастыря, ни исторія возмущенія, кромѣ Булатникова, не указываютъ ни на одного соборнаго члена, сколько нибудь выдающагося своею энергіей и дѣятельностью, тогда какъ келарь и казначей по всей соловецкой исторіи и въ возмущеніи являются всегда передовыми и энергическими дѣятелями. Келарь и казначей, выбираемые иногда безъ чернаго собора любителями пьянства и смутъ, въ соловецкой исторіи являются даже съ большими авторитетомъ и силою, чѣмъ самъ настоятель. Роль настоятеля заключалась въ томъ, что онъ „благословлялъ“ всякое начинаніе, тогда какъ келарь и казначей дѣлали всякія дѣла монастырскія, имѣли въ своихъ рукахъ все монастырское хозяйство, во все входили лично, всѣмъ распоряжались, надъ всѣми наблюдали; отъ нихъ больше всего зависѣло спокойствіе, благополучіе и нравственность братіи и они чрезъ это пріобрѣтали себѣ отъ братіи особенное уваженіе, имѣли неограниченное вліяніе на всѣхъ живущихъ въ монастырѣ. Монастырь иногда оставался безъ игумена „многое время“, но безъ келаря и казначея — почти никогда. Не даромъ же они выбирались съ такою осторожностью любителями пьянаго питья. Недаромъ во время десятилѣтняго сидѣнья въ осажденномъ монастырѣ были въ состояніи безъ настоятеля управлять многочисленнымъ братствомъ, при самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Настоятельское безсиліе въ дѣлахъ монастырскихъ и плохое, сравнительно, вліяніе на братію въ 1647 году игуменъ Илья откровенно высказалъ царю въ слѣдующихъ словахъ: „за безчинство бражниковъ безъ царскаго указа (мнѣ) смирять не умѣть“, потому что „которые священники и братія пьянственному питью касаются и они за

нихъ стоятъ“ (1). Къ тому же послѣдніе предъ возмущеніемъ настоятели были далеко не изъ числа добродѣтельныхъ. Игуменъ Илья въ 1647 году просилъ царя Алексѣя Михайловича, чтобы онъ далъ ему особую грамату, опираясь на которую, онъ могъ бы „у бражниковъ по кельямъ пьяное питье вымать и за безчинство ихъ смирять“ (2). Между тѣмъ изъ граматы новгородскаго митрополита Макарія отъ 1653 г. видно, что онъ самъ, къ соблазну братіи и вопреки монастырскому общежительному уставу и преданію преподобныхъ Зосимы и Савватія, имѣлъ свое особое хозяйство и жилъ съ своими совѣтниками и учениками на широкую ногу. Получивъ въ 1653 г. отъ игумена Ильи, изъ его собственнаго погреба, въ подарокъ нѣсколько рыбъ, Макарій въ отвѣтъ на это писалъ Ильѣ: „А впредь бы тебѣ архимандриту безчинства не заводить и своимъ ни ты, никто изъ братіи ничего не называли бы. Великіе чудотворцы Зосима и Савватій, устроивъ святую обитель да и чинъ вамъ предали, что бы быть всему общему и своимъ ничего не называть. Како можешь братію укрѣпить, чтобы никто ничего въ келью не приносилъ и не принималъ, а ты архимандритъ самъ рыбу изъ кельи посылаешь, братію смущаешь, и святой обители безчестіе наводишь, и то ты дѣлаешь не гораздо (3). На архимандрита Варооломея братія въ 1666 году жаловалась царю, что „онъ въ Соловецкомъ монастырѣ своей слабостью и небреженьемъ преданія великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія во всемъ нарушилъ, и всякіе древніе благіе монастырскіе обычаи на горшее измѣнилъ и во всемъ монастырское благочиніе въ конецъ растлилъ и раззорилъ своимъ нестройнымъ житіемъ и пьянствомъ“. Безобразіямъ и несправедливо-

(1) Ист. опис. Солов. мон. ч. I. стр. 270.
(2) Ibid. 282.
(3) Грамота въ Соловецкой ризницѣ.

стямъ по отношенію къ братіи архимандрита Варооломея, какія выставлялись на видъ предъ царемъ въ челобитной монаховъ въ 1666 г., дѣйствительно нужно удивляться. По словамъ братіи онъ былъ окруженъ молодыми безнравственными учениками, съ которыми вмѣстѣ „пилъ всякія нѣмецкія напитки и русское перегонное вино", проводя въ кутежахъ цѣлыя ночи. Въ кутежахъ иногда дѣло доходило чуть не до смертоубійствъ. Разъ одинъ изъ настоятельскихъ учениковъ 15-лѣтній дьякончъ Макарій] подъ пьяную руку бросился съ ножемъ на самого Варооломея и не убилъ только потому, что помѣшалъ сторожъ Давидъ. Другой ученикъ, чернецъ Иринархъ, будучи съ Варооломеемъ въ Анзерской пустыни, „напився пьянъ, покололъ ножемъ соборнаго старца Геннадія, — едва и ожилъ". Проводя самъ не трезвую жизнь, Варооломей нисколько не старался искоренять пьянство и въ братствѣ: священникъ Варлаамъ опился до смерти потому, что Варооломей не хотѣлъ отобрать у него вино; два молодыхъ брата Мартирій и Питиримъ, пьянствуя у „совѣтника" архимандритова, одинъ другаго зарѣзали ножемъ. Онъ даже любилъ видѣть до безобразія пьяныхъ людей и самъ „на силу" поилъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не терялъ сознанія. Будучи въ Кемской волости, опоилъ старца Аморія до того, что тотъ, выпедши отъ архимандрита изъ избы, сѣлъ подъ угломъ „да и скончался такъ". Подобнымъ образомъ былъ опоенъ до смерти въ Колежмѣ (усолье) старецъ Прокопій. Между тѣмъ по отношенію къ братіи Варооломей былъ самымъ жестокимъ деспотомъ. Ученики его, вращаясь между братіей, постоянно прислушивались къ братскимъ отзывамъ о настоятелѣ и доносили ему. Поэтому про безчинства и нестройное житье его никто изъ братіи не смѣлъ сказать ни слова. Обличителямъ, угрожавшимъ довести о его поступкахъ до свѣдѣнія царя, говорилъ: „Богъ высоко, а царь далеко, а я тебѣ здѣсь учиню указъ" и приказывалъ бить плетьми безчеловѣчно „на смерть". И

вообще малѣйшій навѣтъ настоятельскихъ учениковъ или отказъ въ „посулѣ“ служилъ для него поводомъ къ истязаніямъ братіи. Такъ, по ложному наговору учениковъ своихъ, безъ „монастырскія вины, свою злобу исполнял, билъ плетьми безчеловѣчно въ три и четыре перемѣны священниковъ Нафнутія и Тимоѳея, дьяконовъ Пила и Варлаама и церковниковъ Тихона, Иринарха и Кирилла; потомъ прикащиковъ усольскихъ, которые ему посуловъ не приносили и вина не возили—старцевъ: Димитрія, Игнатія, Ѳеранонта и Василія билъ на правежѣ всю зиму, безъ милости“ (¹) и т. д. и т. д.

Отъ такихъ настоятелей, при безграмотныхъ и не менѣе сомнительной нравственности совѣтникахъ, трудно ожидать хорошаго управленія монастыремъ. И дѣйствительно, въ ихъ управленіи на каждомъ шагу замѣчаются преслѣдованіе своихъ корыстныхъ видовъ, послабленіе слабостямъ распущенной братіи, угнетеніе братіи смиренной и честной и многія другія несправедливости.

Источникомъ всякаго зла для внутреней жизни соловецкой были монастырскія вотчины. Въ монастырскихъ вотчинахъ постоянно проживали въ качествѣ прикащиковъ, келарей, доводчиковъ цѣлыя сотни братіи и рѣдко кто возвращался въ монастырь съ пустымъ карманомъ и съ прежними задатками духовной жизни. Полная свобода отъ контроля, толкотня между мірскими людьми и соблазнъ мірской были такъ сильны, что самаго благонамѣреннаго и добродѣтельнаго монаха сбивали съ добраго пути. Между тѣмъ сюда большею частію посылались любимцы настоятеля и соборныхъ членовъ, люди нравственно пошатнувшіеся еще въ обители; „а въ монастырскія всякія службы“, говоритъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ грамотѣ 1636 г., „и по усольямъ посылаютъ въ Со-

(¹) Матеріалы для исторіи Раскола 1878 г. стр. 68 и слѣд.

ловецкомъ монастырѣ старцевъ простыхъ, которые монастырскія службы не оберегаютъ и монастырю прибыли не ищутъ, а въ монастырѣ имъ молчатъ, и ихъ не считаютъ, и отъ того монастырская казна пропадаетъ, а добрыхъ старцевъ къ промысламъ не посылаютъ“ ( ). Надо еще удивляться, что монастырь не упалъ по крайней мѣрѣ въ матеріальномъ отношеніи, раньше возмущенія, благодаря вѣроятно заведенной разъ на всегда манипѣ вотчинныхъ дѣлъ и непрекращавшемуся никогда приливу доброхотныхъ даяній. Архимандритъ Варооломей, правда, говоритъ, въ челобитной къ царю отъ 1666 года, что „старцевъ, которые были на приказѣхъ въ монастырскихъ соляныхъ промыслахъ, въ приходахъ и расходахъ считаютъ и выкладываютъ въ соборной кельѣ келарь, казначей и соборные старцы и на которыхъ доведется недочетъ по счету монастырской казны взять, и на нихъ приговорятъ такоже соборомъ“ (*)... Но братія въ своей челобитной къ царю говорятъ совсѣмъ иначе: „архимандритъ Варооломей, по словамъ братіи, у прикащиковъ усольскихъ многіе посулы емлетъ и считаетъ ихъ не по правдѣ, а которые прикащики посуловъ ему не даютъ, и онъ на тѣхъ насчитываетъ напрасно многую казну и велитъ бить на правежѣ на смерть, а которые посулы ему даютъ и тѣ надѣялся на него, живутъ въ монастырскихъ промыслахъ безчинно, вино безпрестанно *сидятъ* и монастырской въ томъ хлѣбъ много губятъ и казну монастырскую держатъ по своимъ страстямъ и къ нему архимандриту вино привозятъ въ келью и денежные посулы даютъ; и затѣмъ прикащиками многая пропадаетъ монастырская казна, на многихъ начтено недоплаты по соборному счету противъ имки ихъ, что они имали изъ монастыря денегъ и хлѣбный запасъ и всякихъ това-

---

(1) Ист. опис. Сол. мон., 1836 г, ч. I. стр. 278.

(2) Матер. для ист. Раск. 1878. т. III. стр. 98.

ровъ на человѣка по 500 и по 700 и по 1000 руб. и больше, а взять съ нихъ нечего — пропили и проворовали монастырскую казну по его архимандритовѣ потачкѣ и передавали ему же архимандриту съ учениками въ посулы". Мы готовы были бы принять этотъ доносъ братіи на Варооломея за чистую ложь, придуманную съ цѣлію свергнуть его съ настоятельства за нетвердость въ старообрядчествѣ, но многіе историческіе факты вынуждаютъ думать, что здѣсь не мало заключается правды. Нельзя, наприм., ничѣмъ инымъ объяснить, какъ только послабленіемъ монастырскаго начальства того обстоятельства, что въ усольскихъ промыслахъ терпѣлись люди, извѣстные всему монастырю своею нечестивостью и безнравственностью. Образцы такихъ прикащиковъ приводитъ въ своей челобитной 1666 г. самъ Варооломей. Старецъ Герасимъ Ѳирсовъ, по словамъ Варооломея, еще въ мірѣ битъ кнутомъ на козлѣ за то, что „въ Москвѣ изъ рядовъ ималъ обманомъ жемчугъ и соболи". Между тѣмъ монастырское начальство его посылаетъ прикащикомъ въ Умское усолье. И здѣсь онъ скоро былъ замѣченъ, что тайно продаетъ монастырскую рыбу, а деньги беретъ себѣ, а потому и взятъ былъ съ умской службы въ монастырь скованъ. Но послѣ этого все-таки еще два раза назначался прикащикомъ въ Яренское усолье, гдѣ точно также грабилъ монастырскую казну до тѣхъ поръ, пока не принесли на него жалобу монастырскому начальству крестьяне всѣмъ міромъ (1). Монахъ Геннадій, будучи на приказѣ въ Кемскомъ городкѣ „всякое утѣсненіе и обиды бобылишкамъ монастырскимъ чинилъ, забывъ преданіе Зосимы чудотворца, и напрасно многихъ изувѣчилъ для своей бездѣльной корысти, а иные отъ его Геннадіевыхъ побоевъ и умерли", при всемъ томъ

(1) Матер. для исторіи раск. 1878 г. т. III. 86 стр.

безпрестанно бражничалъ (1). Александръ Стукаловъ на „отводѣ“ въ Лямецкомъ усольѣ насильно отнялъ у каргопольскаго торговца крестьянина Корнилова 16 ведеръ вина и 1¼ ф. шелку (2), а въ Кемскомъ городкѣ на утаенныя монастырскія деньги бражничалъ до бѣлой горячки и пьянскимъ обычаемъ называлъ предъ своей братіей сатану своимъ отцемъ, а бѣсовъ братьями, которые явно приходили къ нему и по цѣлымъ ночамъ не давали спать, наводя ужасъ (3). Вышепомянутый бѣглый тульскій дьякопъ Илья, обокравшій Ивановскій монастырь, не малое время бродившій по Костромской губерніи съ коновальскимъ „рыгнемъ“ и наконецъ въ Соловецкомъ монастырѣ надѣвшій на себя монашескій клобукъ съ именемъ Іоны, два раза былъ въ прикащикахъ въ Орловскомъ и Лянецкомъ усольяхъ и каждый разъ смѣнялся за насиліе, грабежъ, и пьянство. Однако и послѣ этого въ 1663 г. посылается къ мурманскимъ промысламъ за покупкой для монастыря рыбы съ большою суммою монастырскихъ денегъ. На этотъ разъ онъ кромѣ двойной выписки въ расходъ монастырскихъ денегъ, простираетъ свое мошенничество до того, что пишетъ фальшивый таможенный документъ, поддѣлавъ подпись и приложивъ вмѣсто таможенной печати „невѣдомо какое клеймо“ съ цѣлію воспользоваться не внесенными въ казну пошлинами за купленную рыбу (4). Черный дьяконъ Игнатій, „когда былъ въ 1664 году въ монастырскомъ соляномъ промыслу прикащикомъ учалъ жить зазорно, и пріѣзжали били челомъ на соборѣ того усолья работные люди, — во всемъ ихъ обидитъ и хлѣба имъ дастъ не прямою мѣрою мѣритъ и въ кельѣ у себя не почуетъ: и по сы-

(1) Ibid 88 стр.
(2) Ibid 89 стр.
(3) Ibid стр. 90.
(4) Матеріалы для исторіи раск. стр. 92 — 94.

ску взятъ онъ, Игнатей, въ монастырѣ и въ недочетѣ большомъ монастырской казны, по соборному приговору за руками келаря, казначея и соборныхъ старцевъ стоялъ на правежѣ съ своею братіею, съ такими же усольскими прикащики, со старцы: съ Ѳерапонтомъ, съ Васильемъ, съ Демьяномъ, съ Михаломъ, съ Пименомъ: и подалъ онъ, Игнатей, челобитную, написавъ своею рукою, стоптъ онъ, Игнатей, на правежѣ въ своей винѣ и въ безчиніи, и погружается послѣднимъ отчаяніемъ: и по соборному приговору съ правежу спущены, любо нѣчто прійдутъ въ чувство, и монастырскую казну, что они у себя утаили, отдадутъ". Таковы были соловецкіе приказные старцы. Но нѣтъ ли и здѣсь преувеличенія со стороны Варооломея съ цѣлью оправдать себя предъ царемъ въ виду челобитной, поданной на него царю со стороны соловецкихъ монаховъ въ 1666 году? Можетъ быть! Но что соловецкіе усольскіе прикащики всегда отличались безнравственностью, на это мы имѣемъ болѣе безпристрастное свидѣтельство преосвященнаго архангелогородскаго Аоанасія. Вотъ что онъ между прочимъ писалъ въ двухъ своихъ грамотахъ въ Соловецкій монастырь въ концѣ XVII столѣтія, когда уже кончилось въ монастырѣ возмущеніе и порядокъ сталъ возстановляться: „Сумскаго острога прежде бывшій прикащикъ монахъ Варсонофій будучи на приказѣ, многая насилія и обиды всякимъ людямъ, не токмо вашимъ монастырскимъ, но и государевымъ проѣзжимъ творилъ, и напрасное, беззаконное біеніе безъ всякаго милосердія чинилъ ради своей бездѣльной корысти и сребролюбія, и отъ тѣхъ его смертныхъ побоевъ два человѣка *вирсцы* умерли — Офонька Огневъ и Егорко Дубровской, а иные многіе еле живы и скорбни отъ тѣхъ его побоевъ до нынѣ пребываютъ. Тойже Варсонофій тамъ живя пьяски прелюбодѣйствовалъ блудно съ женами и иная злая творилъ, яже не подобаетъ писати. Другій вашъ улежемскаго усолья прикащикъ юный лжемонахъ Да-

маскъ поругатель святаго образа монашескаго, явный человѣкоубійца и блудникъ и пьяница многія жены насильно блудомъ осквернилъ и при томъ зломъ дѣлѣ крестьянина вашего Никонка ножемъ зарѣзалъ, другаго Софонка рѣзавъ, еле жива оставилъ, такожде церковнаго дьячка рѣзалъ, и карты, и зернью явно игралъ и всякія неподобныя дѣла творилъ, яже не только монахамъ, но и мірскимъ не подобаетъ творити. „Все это, писалъ преосвященный Аѳанасій послѣ съ большею подробностію, подтверждается сыскнымъ дѣломъ, каково въ нашемъ архіерейскомъ домѣ“ (1).

Изворовавшіеся въ приказной службѣ монахи не оставляли своего не монашескаго образа жизни и въ монастырѣ. Въ той же челобитной и про тѣхъ же старцевъ — Герасима Фирсова, Геннадія, Александра Стукалова, Ефрема каргопольца, Іону Врызгала, попа Никона и попа Пафнутія, съ товарищами, — архимандритъ Варооломей пишетъ, что „отъ нихъ въ монастырѣ бываетъ многое и всякое ихъ безчинство и монастырю огласка многая отъ нихъ чинитца“, и про эти безчинства „вѣдомо въ Соловецкомъ монастырѣ всей братіи и мірскимъ людямъ, служкамъ и служебникамъ, и монастырскимъ крестьянамъ и бобылямъ“ (2). Въ частности говоря о поведеніи каждаго изъ помянутыхъ старцевъ, между прочимъ Варооломей сообщаетъ о поступкахъ самаго позорнаго свойства. Герасимъ Фирсовъ, наприм., былъ извѣстенъ всему братству и мірскимъ людямъ „какъ старой составщикъ и коварникъ“, безъ котораго никакая смута и мятежъ не бываетъ, а между тѣмъ первый „воръ“, наказанный еще въ мірскомъ званіи за воровство кнутомъ на козлѣ, онъ, живучи въ монастырѣ, попадался нѣсколько разъ въ разныхъ кражахъ. Въ 173 (1665) г., когда во время болѣзни казначея

---

(1) Двѣ граматы Преосвященнаго Аѳанасія въ Солов. монастырь 1696 г. въ Солов. ризницѣ.

(2) Матер. для истор. Раск. 1878 г. т. III. стр. 84.

старца Боголѣпа, былъ посланъ съ прочими старцами Касьяномъ, Діонисіемъ, Ларіономъ, Ѳеодосіемъ, Марком и Геннадіемъ для описи имѣнія, укралъ у Боголѣпа часы, которыя и возвратилъ, когда былъ обличенъ. Потомъ у старца Исаіи укралъ 120 р., у старца — келейнаго своего брата Нектарія 70 р., у своего духовнаго отца 20 р. Слѣпаго больничнаго старца Маркелла дважды обманывалъ, покупая у него медъ на вырѣзанные изъ бѣлаго желѣза кружечки, вмѣсто денегъ. Другой разъ вылудилъ красныя мѣдяшки и вмѣсто ефимковъ отдалъ ихъ подъ закладъ 20 руб., взятыхъ у плотничнаго старосты Сергушки. Геннадій, по словамъ Варѳоломея, „въ монастырѣ живетъ озорнически, братіи и служкамъ угрожаетъ и по вечерамъ поздно по монастырю ходитъ съ совѣтники и поваренаго большаго старца хотѣлъ палкой убить и убилъ бы, если бы тотъ не скрылся въ чуланъ“. Онъ же Геннадій „съ сылочными людьми, со старцы и міряны—совѣтники, а которые и въ большихъ винахъ сидятъ по тюрьмамъ, пьянски къ нимъ ходитъ тайно и питья подноситъ, и всякія коваретва съ ними составляетъ и совѣтъ чинитъ съ такими, которые отъ своихъ слабостей во многихъ напастяхъ и смиреніяхъ бываютъ, сидитъ въ соборѣ, а съ сылочными людьми всякій совѣтъ чинитъ“ (1). Старцы Ефремъ Каргополецъ и попъ Пафнутій были въ тѣсной дружбѣ съ княземъ Михайломъ Васильевичемъ Львовымъ и часто вмѣстѣ съ нимъ пьянствовали по цѣлымъ ночамъ, доставляя ему сосудами и погребцами вино и водку. Разъ, пируя ночью на 27-е декабря 1666 г., князь Львовъ „научилъ Ефрема кричать изъ палаты въ окно на монастырь всякія затѣйныя небыличныя рѣчи, воровскія, доводныя статьи“ (2) и т. д.

---

(1) Мат. для исторіи Раск. 1878 г. т. III, стр. 89.

(2) Ibid. 95.

Подобныхъ личностей въ монастырѣ было по всей вѣроятности не мало, когда они могли заглушать на черномъ соборѣ голосъ прочей смиренной братіи. Они жили дружно между собой и поддерживали другъ друга, такъ что отъ нихъ зависѣлъ иногда выборъ настоятеля, келаря и казначея, и они могли выбирать себѣ потаковниковъ. Отъ нихъ въ монастырѣ происходили всякіе скандалы, даже убійства. Въ 1655 году старецъ Герасимъ Фирсовъ разъ ночью пришелъ въ келью къ старцу Нектарію и покололъ ножемъ келейнаго ихъ брата старца Аѳанасія (1). Въ 1664 г. черецъ Питиримъ зарѣзалъ до смерти старца Мартирія (2). Старецъ Геннадій не убилъ палкою монастырскаго повара только потому, что тотъ успѣлъ скрыться въ чуланъ (3). Противъ буйныхъ и развратныхъ старцевъ монастырскія власти повидимому принимали строгія мѣры, но они не приводили къ желаннымъ результатамъ; потому что каранціи зло власти сами были причастны господствующимъ порокамъ и служили для братіи примѣромъ слабаго житья.

Главнымъ порокомъ въ монастырѣ въ XVII вѣкѣ было пьянство, развившееся до чрезвычайныхъ размѣровъ; остальныя слабости были естественнымъ слѣдствіемъ этого порока.

Пьянство стало усиливаться въ монастырѣ постепенно, съ развитіемъ богатства и вотчинной службы. Первыми любителями горькихъ напитковъ, по всей вѣроятности, были вотчинные прикащики, потому что они ближе всѣхъ стояли къ этому соблазну, и разъ испробовавъ на приказной службѣ запрещеннаго монастырскимъ уставомъ плода, не могли уже не касаться его и въ монастырѣ. Напрасно цари московскіе обличали монаховъ въ этой слабости, на-

(1) Мат. для исторіи Раск. 1878 г. т. III, стр. 87.
(2) Ibid. 89.
(3) Ibid. 88.

прасно грозили наказаніемъ и предписывали различныя правила къ искорененію порока. Въ 1691 году царь Ѳеодоръ Ивановичъ писалъ соловецкому игумену Іакову съ братіей: „слухъ до насъ дошелъ, что у васъ въ монастырѣ сытятъ квасы медвяные, да квасятъ, и уставъ прежней монастырской перемѣнятъ: и намъ тово пытати на тобѣ на игуменѣ и на соборныхъ старцѣхъ“ (1). Но вмѣсто исправленія монахи отъ медвянаго кваса добрались и до красныхъ винъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, до котораго точно также доходили слухи о слабой жизни монаховъ, два раза въ 1621 и 1636 году пытался возвратить уважаемую имъ соловецкую братію на прежній путь монашеской жизни. Относительно развившагося пьянства въ 1636 г. онъ писалъ: „вѣдомо намъ учинилось, что въ Соловецкій монастырь съ берегу привозятъ вино горячее и всякое красное нѣмецкое питье и медъ пръсной, и держатъ то всякое питье старцы по кельямъ, а на погребъ не ставятъ“ (2). Въ 1647 г. уже не посторонніе слухи, а челобитная самого соловецкаго игумена Ильи свидѣтельствовала предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ объ укоренившемся въ братствѣ пьянствѣ. Илья между прочимъ писалъ: „по началу и по преданію великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія въ Соловецкомъ монастырѣ пьянственнаго питья никакого по кельямъ не держали, а на господскіе праздники и на царскіе кормовые столы, ставятъ на братію простой сыченый квасъ безъ хмѣлю, и раздаютъ не доквашивая. И которые братія охочи пьянаго питья пить, и они своихъ мѣръ за столомъ не пьютъ, и носятъ по кельямъ и квасятъ въ кельяхъ и напиваются до пьяна.... а иные священники и крылошане и простая братія въ томъ обычаѣ закоснѣли“ (3).

---

(1) Ист. опис. Солов. мон. ч. I, стр. 264.

(2) Тамъ же, стр. 266.

(3) Тамъ же, стр. 270.

Вслѣдствіе этого Алексѣй Михайловичъ вынужденъ былъ въ 1649 году послать въ монастырь особую грамату, въ которой говорилось: „отнюдь не имѣть никакихъ горячихъ напитковъ и у кого таковые окажутся, тѣхъ штрафовать: за вино 50 р., за медъ 10 р. и за пиво 5 р. Конечно не всѣ же изъ братіи были склонны къ пьянству. Не мало было и людей трезвыхъ, возмущающихся укоренившимся порокомъ. Когда въ 1667 году прибыли изъ Москвы въ монастырь старый и новый настоятели Варооломей и Іосифъ, нагрузивъ по пути въ Архангельскѣ горячими напитками цѣлую ладью, братство изъ болѣе вѣроятно трезвыхъ до того возмутилось этимъ соблазнительнымъ поступкомъ настоятелей, что рѣшились „по монастырскому чину и по преданію чудотворцевъ" разбить на соловецкой пристани 39 бочекъ вина и до 15 бочекъ пива и меду, привезенныхъ настоятелями (¹).

Достаточно было водвориться въ святой обители этому пороку, чтобы изъ него произошли и другіе. Слабые изъ братіи стали относиться къ уставу монастырскому почти съ пренебреженіемъ: „и уставъ прежней монастырской перемѣненъ". говоритъ царь Ѳеодоръ. „Въ Соловецкомъ монастырѣ, пишетъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, нѣкоторые отъ братіи дерзаютъ житіе имѣти не по божественному уставу и не по правиламъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ: соборныя повелѣнія и преподобныхъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія предапія во многихъ мѣрахъ презираютъ. И мы слыша о томъ удивляемся, что въ такой честной лаврѣ и чудотворномъ мѣстѣ такое слабое житіе имѣти начинаютъ и ни во что полагаютъ" (²).

Разрѣшивъ себя отъ нелегкихъ узъ монастырскаго устава, партія нетрезвыхъ прикащиковъ „по-

---

(¹) Рукоп. сборн. солов. челобитн. каз. академіи № 1988.

(²) Истор. опис. Сол. мон. ч. I, стр. 265.

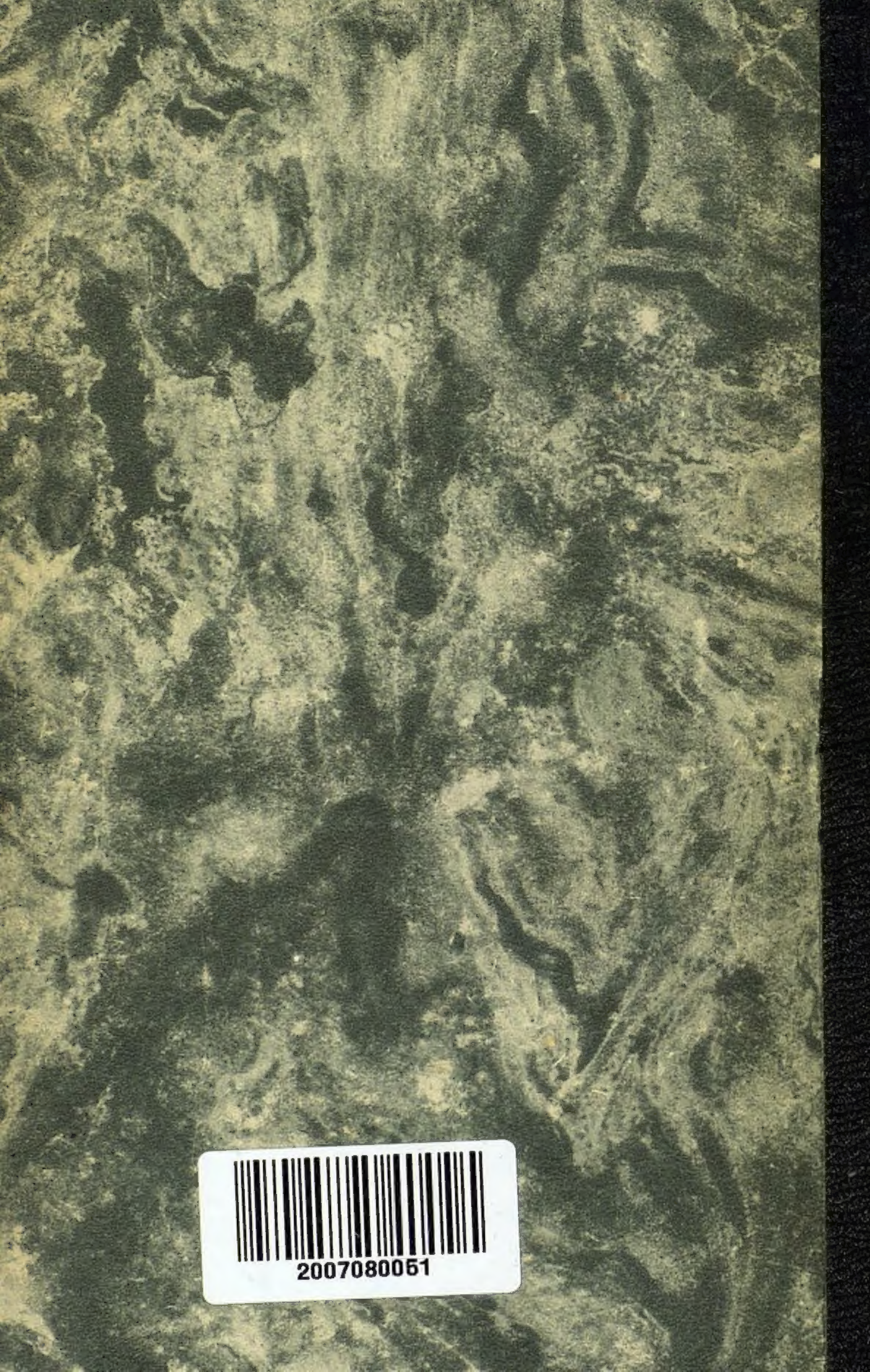
выкла жить по своей волѣ, окружила себя учениками и зажила съ ними заговорами". Настоятель, если бы онъ и сталъ принимать мѣры противъ этихъ буйныхъ и пьяныхъ монаховъ, — не нашелъ бы средствъ къ ихъ обузданію, потому что на ихъ сторонѣ были всѣ „священники и братія, которые касаются пьянственному питью". Но этимъ приказные старцы еще не довольствовались: имъ захотѣлось вмѣшиваться въ монастырскія дѣла, захотѣлось, чтобы все въ монастырѣ шло такъ, какъ имъ нравится. Отсюда являются домашнія „вражда и мятежи, смуты на черныхъ соборахъ, выборы въ келарей и казначеевъ „потаковниковъ", которые бы пьяницъ не обличали, въ смиреніе бы не посылали и на погребѣ бы имъ безпрестанно квасъ поддѣльной давали"; отсюда наконецъ всякія въ монастырѣ „нестроенія", „безчинія", „игуменомъ частыя перемѣны" и т. д. И такихъ буйныхъ головъ въ монастырѣ повидимому было не мало: съ однимъ двумя пьяницами вѣроятно игуменъ нашелъ бы средство справиться, особенно послѣ того какъ въ 1647 году получилъ отъ царя полномочіе смирять безчинниковъ„ монастырскимъ всякимъ смиреніемъ"; точно также одинъ, два и даже десять человѣкъ едвали бы были въ силахъ заглушать на черномъ соборѣ голосъ всего братства и рѣшать дѣла по своему хотѣнію.

Не смотря на такой образъ жизни, соловецкіе монахи XVII столѣтія однако мечтали о себѣ слишкомъ высоко. „Не зная хорошенько, — скажемъ словами Арсенія Глухаго, ни православія ни кривославія и божественная писанія точію по черниломъ проходяще", они въ 1667 году писали о себѣ царю Алексѣю Михайловичу, что они „до сего времени во истинной православной вѣрѣ и во благочестіи, по преданію апостольскому и преподобныхъ Зосимы и Савватія и Филиппа митрополита, стояли непоколебимо и подъ зазоромъ отъ греческихъ и отъ русскихъ архіереевъ ни въ чемъ не бывали; наипаче во святой

обители (Соловецкой) самихъ тѣхъ греческихъ, и русскихъ и кіевскихъ властей митрополитовъ и игуменовъ присыльныхъ было много; присылаются же они греческія власти того ради, чтобы имъ навыкнуть въ обители Соловецкой православныя христіанскія вѣры, и истиннаго благочестія и иноческаго чина".

Итакъ, съ которой бы мы стороны ни посмотрѣли,—съ внѣшней ли, или съ внутренней,—на жизнь соловецкихъ монаховъ первой половины XVII вѣка, отовсюду она представляется ненормальною, далеко не монашескою. За стѣнами своей обители монахи подъ прикрытіемъ иноческой мантіи стремительно преслѣдуютъ свои корыстныя цѣли, не пренебрегая никакими средствами; въ самой обители—ссорятся между собою, производятъ „мятежи" на черномъ соборѣ, угнетаютъ скромную и честную братію и предаются пьянству. Въ виду такого образа жизни монаховъ нельзя не прійти къ заключенію, что всякое постороннее вмѣшательство въ ихъ жизнь, всякое прикосновеніе къ ихъ казнѣ, свободѣ и убѣжденіямъ, хотя и крайне узкимъ, неизбѣжно должно отозваться смутами со стороны ихъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ не разъ касались соловецкой казны и нравственнаго строя соловецкой жизни, не разъ монахамъ пришлось отослать въ государственную казну цѣлыя десятки тысячъ рублей монастырскихъ денегъ и въ тоже время получать выговоры отъ Никона и даже замѣчанія отъ самого царя за разныя допущенныя въ монастырѣ безпорядки. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, скрывалась первая искра, произведшая соловецкое старообрядческое возмущеніе. Новые служебники были въ этомъ случаѣ не больше какъ горючій матетріалъ, подброшенный въ начинающее разгараться пламя недовольства противъ патріарха и царя. Монахи были задѣты за всѣ ихъ боль-

ныя мѣста и между ними не могли не найтись люди, которые были способны произвести мятежъ, уже не домашній только, а открытый предъ лицемъ всего Русскаго народа.


2007080051